



**АЛЕКСЕЙ ПИШЕНКОВ**

**ПОСЛЕДНИЙ БОЙ**

**КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ?**

Оболганные победы Сталина

Алексей Пищенко

**Последний бой. Кто  
освободил Прагу?**

«Яуза»

2017

УДК 94(437)"1945"  
ББК 63.3(0)62

**Пишенков А. А.**

Последний бой. Кто освободил Прагу? / А. А. Пишенков — «Яуза», 2017 — (Оболганные победы Сталина)

ISBN 978-5-699-99479-3

К сожалению, история Второй мировой войны является излюбленной темой для самых разных спекуляций в угоду различным политическим интересам. Особенно этим любят заниматься наши бывшие союзники по Варшавскому договору. Бои 4–11 мая 1945 г. в Праге, последней европейской столице, находившейся в руках гитлеровских войск, как раз являются одним из подобных случаев – до сегодняшнего дня пражские события были кардинально переписаны уже несколько раз. Дошло до того, что отрицается само участие советских войск в освобождении города. Эта книга о том, как было на самом деле и кто **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** освободил Прагу.

УДК 94(437)"1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-99479-3

© Пишенков А. А., 2017

© Яуза, 2017

## Содержание

1. Предисловие	6
2. Русские корни в Чехии со времен Петра I и до 1945 года	10
3. Чешское Сопротивление	13
4. Общая ситуация к началу восстания	20
5. РОА. Из Мюнсингена на Восточный фронт	29
6. РОА. Восточный фронт – Прага	36
7. Начало восстания	48
8. Расстановка сил	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

# **Алексей Анатольевич Пищенко**

## **Последний бой. Кто освободил Прагу?**

© Пищенко А.А., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

## 1. Предисловие

С самого начала необходимо уточнить, что темой данной публикации является одно конкретное историческое событие – Пражское восстание в мае 1945 года – и, кроме всего прочего, анализ непосредственного участия в нем Первой дивизии Русской Освободительной армии генерала А. А. Власова. Соответственно, как имеющие прямое отношение к делу, здесь будут рассмотрены и некоторые предшествующие события, касающиеся как самой РОА в сложившейся ситуации, так и общего состояния дел на описываемой территории в период до начала и во время восстания, так как без этих фактов невозможно понять и проследить всю причинно-следственную связь происходивших событий. С этой же точки зрения будут упомянуты некоторые факты из истории организации РОА, а также участия именно Первой дивизии РОА в боях против Красной Армии на Восточном фронте, так как именно непосредственно предшествующие события, по мнению автора, оказали большое влияние на решение командования данной части о поддержке Пражского восстания и фактическом выходе дивизии из подчинения командованию вооруженных сил Германии, в то время как все остальные формирования РОА официально до конца активных боевых действий Второй мировой войны на территории Европы оставались лояльными командованию Вермахта. Также это необходимо для адекватной оценки того, что из себя в действительности представляла власовская Первая дивизия с точки зрения реальных боевых возможностей этой воинской части к моменту появления ее в чешской столице пятого мая 1945 года.

Темой данной публикации НЕ ЯВЛЯЕТСЯ история и предыстория возникновения и становления РОА в целом и политического движения, организованного А. А. Власовым и его сподвижниками в рамках Комитета по Освобождению Народов России, а также какая-либо историческая, политическая или моральная оценка существования и действий Русской Освободительной армии или КОНР. То же касается и конкретных личностей, рассматриваемых здесь исключительно как непосредственных или косвенных участников событий в Праге в мае 1945 года.

\* \* \*

История Пражского восстания, как, к сожалению, и сотни других исторических событий, в настоящее время проходит этап очередной «переписи» и поиска очередной новой «правды». Со времен конца Второй мировой войны и фактически до конца XX столетия непоколебимой и общепризнанной у нас истиной считалось то, что Прагу да и вообще всю Чехию в мае 1945 года освободила Красная Армия, это подтверждалось как книгами, фильмами и школьными учебниками, так памятниками и мемориальными досками на стенах зданий в самой чешской столице, и медалями ветеранов – участников событий<sup>1</sup>. Как-либо отличавшиеся от официальной версии факты знали лишь прямые участники или очевидцы тех дней. Но те из них, которые проживали в послевоенное время как в СССР, так и в самой освобожденной Чехословакии, об этом особо не распространялись главным образом в целях собственной же безопасности (тех, кто попытался, соответствующие органы быстренько «обра-

---

<sup>1</sup> Википедия – открытая энциклопедия, цитата: *Медаль «За освобождение Праги» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Авторы рисунка медали – художник А. И. Кузнецов и художница Скоржинская. Медалью «За освобождение Праги» награждаются военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и освобождения Праги в период 3–9 мая 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при освобождении этого города. Медаль «За освобождение Праги» носится на левой стороне груди и при наличии других медалей СССР располагается после медали «За освобождение Варшавы». По состоянию на 1962 год медалью «За освобождение Праги» было награждено свыше 395 000 человек.*

зумили)), а публикации и выступления очевидцев, находившихся на Западе, были просто объявлены ложью и провокациями вражеских спецслужб. После полного развала СССР, а вслед за ним и целой системы так называемого «соцлагеря», на политическую сцену вновь обретенной «свободы» вылезли как старые, так и абсолютно новоиспеченные «диссиденты» и «борцы за демократию» различного рода и, как водится у революционеров всех мастей, вместо рассмотрения насущных проблем настоящего и ближайшего будущего первым делом начали активную борьбу со своим прошлым – то есть снос памятников, переименование улиц, площадей и городов, а также пересмотр знаковых исторических событий, так или иначе связанных со «свергнутым» предыдущим режимом. Как обычно бывает в таких случаях, пересмотр истории в первые дни «свободы и демократии» происходил способом простого переворота на сто восемьдесят градусов, реальные факты опять никого особо не интересовали, а народные массы изнутри неожиданно упавшего «железного занавеса» жадно заглатывали порции «ранее запрещенной» или «новорассекреченной» информации. Практически любые материалы, поступавшие с Запада, предлагались на правах непререкаемой и долго замалчиваемой коммунистическим режимом истины, а все, что этому теперь противоречило, было объявлено ложью и подлежало немедленной ликвидации. Так, почти столетия спокойно стоявший в Праге на постаменте в качестве памятника воинам-освободителям советский танк какие-то активисты во главе с чешским модернистским «художником» Давидом Черным сначала перекрасили в розовый цвет, а потом по распоряжению и тут появившихся новых властей его вообще сняли с пьедестала и оттащили в военный музей; сейчас там так и стоит с 1991 года, до сих пор розовый...<sup>2</sup>

Мемориальные доски и памятники со времен восстания в основном оставили в покое, некоторые улицы переименовали... а вот саму историю боев в Праге, главным образом сами же чешские изыскатели, начали писать снова, да так, что вдруг возникло несколько достаточно противоречивых вариантов. Причем практически сразу главным камнем преткновения всех версий стало участие в пражских событиях 1945 года солдат Русской Освободительной армии – РОА. Сам данный факт, на фоне явных архивных документов и свидетельств достаточного количества еще живых очевидцев, отрицать было уже невозможно, хотя раньше именно это замалчивалось и утаивалось самым максимальным способом, естественно, с подачи местной коммунистической власти и ее начальства в Московском Кремле – да и неудивительно: ведь о так называемых «власовцах» и им подобных в Советском Союзе вообще не принято было говорить вслух, этих людей как бы вычеркнули из истории, а если уж и упоминали, так исключительно с самыми худшими эпитетами типа «предатели Родины», «изменники», «изгои, поднявшие оружие против собственного народа» и тому подобное, а если кое-что все-таки и всплывало на поверхность о Праге и появлявшихся там власовцах, так объяснялось это, конечно, тем, что, мол, подавляли восстание вместе с немцами, изверги, душили волю чешского народа к свободе, топили Прагу в крови... Но тут вдруг начало выясняться, что, видимо, и чем-то хорошим могли отличаться данные

---

<sup>2</sup> Справедливости ради надо заметить, что именно этот конкретный советский тяжелый танк ИС-2, стоявший в Праге на постаменте и олицетворявший все это время танк гвардии лейтенанта И. Г. Гончаренко, который одним из первых вошел в Прагу 9 мая 1945 года, в действительности в освобождении города вообще не участвовал, а скорее только подтверждал у сведушей части местного населения теорию об изначально неправдивой истории освобождения Праги, предложенной коммунистами. Совершенно непонятно, на каком основании тогдашнее руководство воздвигло на пьедестал именно ИС-2, когда даже в учебниках того времени написано, что Гончаренко, действительно въехавший на своей бронемашине в Прагу одним из первых, а впоследствии и погибший в бою с немецкими самоходками на улицах города, являлся командиром танка модели Т-34/85 под номером 24, и танков подходящей модели под руками тоже было хоть отбавляй – кроме того, что Красная Армия своих легендарных «тридцатьчетверок» полно оставила братьям-чехам на чешской земле, их впоследствии в Чехословакии даже производили и они состояли на вооружении чешской армии аж до 70-х годов, хотя к тому времени уже и в качестве учебных или вспомогательных машин. Короче, нужного и правильного материала было полно, только номер «24» нарисовать на башне – и готов памятник, а оно нет, то ли и впрямь абсолютная глупость, то ли умышленная провокация...

граждане... Как это обычно бывает после длительного информационного вакуума, в момент появления огромного количества непровержимых фактов массового участия военнослужащих Русской Освободительной армии в пражских событиях, да еще и на стороне чешских повстанцев, а не наоборот, стали возникать порой удивительные теории, самая кардинальная из которых звучала примерно так: «Оказывается, Прагу освободили власовцы!» Всплыли также и документально подтвержденные информации о появлении в Праге в течение восстания и военнослужащих США, причем даже вроде как и с танками, а новоиспеченной «капиталистическо-демократической» Чешской Республике, вследствие резкой переориентации с Востока на Запад и вступления в НАТО, данный факт никак нельзя было не обыграть в свете новой ситуации. По новой теории «Прагу освободили власовцы с помощью американцев» или даже, наоборот, «освобождали американцы, а власовцы им помогли», и это все потому, что и те и другие не хотели отдать чешскую столицу в руки коммунистических оккупантов. Вот так. По новой, «прозападной» версии, роль Красной Армии надо было минимизировать как только можно, а так удачно всплывшая на белый свет история с «власовцами» для этого как раз очень хорошо подходила. Но совсем вычеркнуть советские войска тоже как-то не получалось – опять же много фактов и документов говорило о том, что и они в Праге были, да и то, что за более чем пять десятков лет старательно вдолбили в головы народов, вымыть в один момент тоже не очень просто, даже если кому-то этого и очень хочется... Решили так: «...А Красная Армия все-таки пришла, но уже потом, когда власовцы и американцы очистили город от немецко-фашистских оккупантов, подписав с ними соглашение о капитуляции и добровольном отходе...», и РОА и войска США потом ретировались обратно в направлении на запад, к американским линиям. То есть, соответственно, по данной теории, выдвинулись они из Праги или прямо вместе с вышеуказанными оккупантами, которых выгнали, или сразу за ними – шли-то в общем все они в одну сторону... В конце концов последними, кого о чем-то спрашивали, а точнее вообще не спрашивали, были сами немцы, которые на самом деле также могли бы достаточным образом пролить свет на эти события.

Все эти теории перестаравшихся «новых историков» постепенно вызвали волну протестов как в самой Чехии, так и за ее пределами. Самим чехам было больше всего обидно, что в объяснении хода того, что называлось *Пражским восстанием*, как-то совсем забыли про самих повстанцев, приписав все главные заслуги снова и опять же кому-то извне, и это ущемляло народную гордость; за границей же, прежде всего в России конечно, возмущались как фактом отрицания ведущей роли Красной Армии в освобождении Праги, так и каким-либо возвеличиванием и возведением чуть ли не в ранг героев власовцев, считавшихся на Родине изменниками, изгоями и предателями...

В течение двух десятков лет страсти «постперестроечного периода» несколько улеглись, к различной информации начали подходить (вроде бы) более детально и взвешенно, но веками установившееся правило переписи истории в угоду современным интересам определенных политических сил, к сожалению, до сегодняшнего дня все еще работает как часы... Освободившиеся, как им кажется, от разных недобровольных союзов и подчинений, народы Восточной Европы и бывшего СССР воссоздают свою национальную гордость и патриотизм, разыскивая в анналах истории героические подвиги предков, которыми можно и нужно гордиться, которые ставятся в пример современникам, часто потерявшим жизненные идеалы. Этому главным образом сегодня и подчиняются цели официальных исторических изысканий, Россия и Чехия тут не исключение. В случае Пражского восстания 1945 года актуальная чешская (читай: западная) версия на сегодня теперь звучит так: «Прагу, в тяжелейших боях с оккупантами, освободили сами чешские повстанцы; помощь извне, в том числе и со стороны РОА, имела место, но была незначительной и решающего влияния на ход освобождения города не оказала. Силы Красной Армии в Прагу вошли девятого мая 1945 года, уже после подписания капитуляции и отхода из города основного контингента немецких войск,

имели место отдельные стычки с задержавшимися в чешской столице отдельными германскими военнослужащими или их малыми группами».

Так где же она, правда? Воевали власовцы в Праге или нет? Если да, то насколько они помогли восстанию? Какие в действительности цели преследовали эти люди, находясь на территории Чехии в мае 1945 года? Или активное участие РОА в восстании это просто новая политическая спекуляция в угоду каким-либо интересам? Что и где делала в это время Красная Армия, если почти четыреста тысяч ее военнослужащих были официально удостоены медали «За освобождение Праги»? И что делали (если вообще делали...) в Праге в мае 1945 года американские солдаты, и возможно даже бронетехника, в момент, когда официальная боевая линия войск США находилась на удалении более чем в восемьдесят километров на запад от города? Стоит заметить, что это расстояние и при современном-то развитии коммуникаций и транспорта вообще маленьким не считается, а в условиях боевых действий в первой половине XX века, да еще за линией фронта противника, его преодоление какими-либо существенными войсковыми группами вообще являлось серьезной и трудно выполнимой даже не тактической, а стратегической задачей...

В данной публикации я постараюсь просто рассмотреть и проанализировать в хронологическом порядке доступные факты не с точки зрения каких-либо политических интересов, а с точки зрения здравого разума и реальной исторической правды. Для более четкого восстановления хода событий будут использоваться и цитироваться материалы как современные, так и опубликованные до 1989 года.

## 2. Русские корни в Чехии со времен Петра I и до 1945 года

Сегодняшняя Чешская Республика, или западная часть бывшей Чехословакии, небольшая, но очень красивая и уютная страна в самом центре Европы, является одним из немногих государств, у которых существует гораздо более тесная историческая связь с Россией и русскими, чем это кажется на первый взгляд непосвященной публике. Кому-то это сегодня может нравиться, кому-то нет, но факт остается фактом. В те далекие времена, когда Чехия являлась еще частью Австро-Венгерской монархии, а Россия великой Российской империей, излюбленным местом отдыха русской аристократии (царскую семью не исключая), интеллигенции, богатых предпринимателей, писателей, художников и остальных «сливок общества» являлся прекрасный курортный город Карлсбад – Карловы Вары. Многие так сжились с этим местом, что со временем приобрели здесь недвижимость – как правило, так называемые «квартиры на водах» – и находились здесь значительную часть своей жизни. В Карловых Варах и недалеких Марианских Лазнях (по-немецки Мариенбад), главным образом для нужд курортных гостей этих мест, часто и за их же средства, были построены и открыты русские православные церкви. Интересно, что в то прекрасное время на этой территории сегодняшней Западной Чехии чехов как таковых фактически не было, в период Австро-Венгерской монархии и впоследствии во времена так называемой Первой Чехословацкой республики<sup>3</sup> подавляющее большинство населения являлось немецкоговорящим<sup>4</sup>.

Во время Первой мировой войны большое количество австрийских военнослужащих находились в русском плену, среди них было также немало чехов и словаков, которые сами себя считали славянскими народами, угнетаемыми Австрийской монархией Габсбургов – немцев по национальности. Многие из этих людей выражали открытое желание бороться против Австро-Венгрии на стороне России и ее союзников с целью уничтожения этой многонациональной империи в центре Европы и завоевания независимости для собственных народов. Кроме просто военнопленных, среди чехословаков также было и большое количество откровенных перебежчиков. Именно из них в составе российской царской армии были составлены специальные воинские части так называемых «легионеров» – чехословацких добровольцев, сражавшихся на полях Первой мировой войны под русскими знаменами. Чехословацкие части русской армии пользовались большим уважением командования, так как отличались военным профессионализмом, отличной дисциплиной и высокими моральными качествами.

После произошедшей в России Февральской «буржуазной» революции 1917 года сменилась официальная власть, но действия России на фронтах мировой войны не прекратились, после второго революционного переворота и прихода к власти в октябре<sup>5</sup> того же года большевиков в стране впоследствии разразилась полномасштабная Гражданская война, позиции на фронтах дезорганизованной русской армией были вскоре сданы, и новым большевистским правительством подписано позорное для страны Брест-Литовское соглашение о мире. Случилось это все в тот момент, когда союз Австро-Венгрии и Германии находился

---

<sup>3</sup> Первой республикой в Чехии и Словакии называю возникшее после распада Австро-Венгерской монархии в 1918 году новое государственное образование – Чехословацкая Республика, имевшая впервые в истории этих народов президентско-парламентскую форму управления. Президентом Первой Чехословацкой республики являлся бывший депутат австрийского парламента Томаш-Гарриг Масарик.

<sup>4</sup> После окончания Второй мировой войны в 1945–1947 годах немецкое население этих территорий было насильственно выселено.

<sup>5</sup> В ноябре по новому стилю календаря.

в чрезвычайно трудном положении войны на два фронта – с Россией на востоке и англо-французскими войсками на западе, к которым с 1917 года присоединились еще и силы США. Выход России из войны сильно облегчил ситуацию немцам и австриякам, но тем не менее вскоре война была закончена победой западных союзников, а Россия, находившаяся изначально в этом блоке победителей и также заплатившая в этой войне за конечную победу жизнями сотен тысяч своих граждан, таким образом осталась без по праву принадлежащих ей репараций от побежденных государств и, более того, даже поплатилась частью своей собственной территории. Многих в российской армии и обществе мир, достигнутый такой ценой, и упущенная «прямо на пороге» великая победа заставили посмотреть на новое правительство страны как на изменников Родины и встать на путь открытой борьбы с укрепляющейся новой властью. Страна разделилась на два лагеря – «красный» и «белый». Служившим в царской российской армии чехословацким легионерам, в поголовном их большинстве, новый коммунистический режим, рвущийся к власти в России, также не показался ни близким, ни родным. И, несмотря на активные попытки различных агентов-пропагандистов, инфильтрованных в том числе и в чешские части, легионеры постепенно превратились в так называемых «белочехов», сражавшихся против Советской власти. Хотя и по большей части это случилось даже не по неким идейным соображениям, а просто из чувства самосохранения – их война кончилась, Австрийская империя и монархия Габсбургов прекратили свое существование, а Чехословакия обрела наконец долгожданную независимость и самостоятельность, после чего единственной целью чехов и словаков в еще царской русской военной форме стало возвращение на родину любым путем. Количество этих людей в то время на территории России по разным источникам составляло от 60 000 до 92 000 человек с тяжелым вооружением, и прошли они уникальный боевой путь с Украины, где их застала большевистская революция, через всю страну аж до Владивостока, откуда по морю были эвакуированы обратно в Европу, по некоторым данным, прихватив с собой и некую часть российского золотого запаса.

Это очень коротко о чешских легионерах в России, или так называемых «белочехах». На самом деле все это история на целую отдельную книгу, может, и не на одну, так как тайну золотого запаса царской России и отношения к нему мятежных чехов до сегодняшнего дня никто официально не раскрыл, и загадок там ничуть не меньше, чем в истории бесследно пропавшей «Янтарной комнаты» и ей подобных.

Возвратившиеся из России бывшие легионеры пользовались у себя на родине большим уважением и многие из них впоследствии заняли высокие посты как в армии, так и в различных государственных органах новой самостоятельной Чехословацкой Республики.

На судьбе именно этих людей я здесь остановился потому, что впоследствии, в межвоенный период, именно многие из них находились в командном составе чехословацкой армии, жандармерии и тому подобных вооруженных государственных служб, а также активно участвовали и в так называемом «военном» крыле чешского антинемецкого сопротивления в период с 1939 по 1945 год, равно как и в Пражском восстании в мае 1945 года. По всем данным, как раз от неких офицеров чешской армии исходило обращение о помощи Праге именно к русским солдатам, но при этом в виду никак не имелась Красная Армия. Как будет видно из описанного далее, и перед приходом в Прагу советских войск именно эти люди более предпочтительно отнеслись бы к появлению там западных союзников. Несомненно, что в этом имели свое место воспоминания и мировоззрение, сформированное еще со времен Гражданской войны в России, а также достаточные, по их мнению, знания и представления о большевистском режиме.

Также, кроме бывших легионеров, по окончании Гражданской войны в новом независимом государстве Чехословакия оказалось большое количество военных и гражданских эмигрантов из России, не смилившихся с новым режимом в своей стране. Новый чехословац-

кий президент Томаш-Гарриг Масарик являлся первым из европейских глав государств, официально пригласившим в свою страну русскую эмиграцию с предоставлением права политического убежища<sup>6</sup>, особенно приветствовалось переселение людей с высшим образованием, специалистов, ученых, перспективной молодежи из интеллигентских, дворянских и военных кругов. В отличие от сложившегося годами, благодаря прежде всего воздействию произведений художественной литературы и кино, мнения о том, что почти вся русская белоэмиграция в Европе устремилась в Париж, правда является несколько иной – основными центрами послереволюционной русской эмиграции в действительности являлись Берлин и Прага. Здесь находились основные эмигрантские центры, выпускалось больше всего газет и журналов на русском языке, печатались книги русскоязычных авторов. А Чехословакия вообще предоставила эмигрантам самые лучшие условия проживания – в стране, при полной поддержке правительственных органов, открылись новые русские школы и даже высшие учебные заведения, расширилась православная церковь. Крупнейшие русские диаспоры на чешской территории появились в Праге, где в районе Дейвице<sup>7</sup> образовался целый русский квартал, построенный эмигрантами на свои средства и государственные дотации, и, естественно, в Карловых Варах, куда в свои «квартиры на водах» вынуждены были уже на постоянной основе поселиться те, кого лишили всего на Родине, многие эмигранты обосновались и в Словакии. Также, в отличие от многих западных держав, Чехословакия уже тогда охотно и достаточно быстро предоставляла эмигрантам из России гражданство.

Во время Второй мировой войны именно на территории современной Чехии базировалось много «русских»<sup>8</sup> военных и гражданских антисоветских организаций. В Карловых Варах в отеле «Ричмонд» в конечный период войны находился штаб генерала А. А. Власова и руководство «Комитета по освобождению народов России» (сокращенно КОНР), именно в Праге был торжественно подписан манифест КОНР, в котором движение официально сформировало свои политические цели (хотя они в текущем моменте времени и являлись абсолютно нереалистическими. – *Прим. авт.*). Так, можно сказать, что именно чешская территория и столица Чехии стали для Русской Освободительной армии знаковыми местами.

Практически вся обширная русская эмигрантская диаспора в Чехословакии просуществовала вплоть до весны 1945 года. Подавляющее большинство этих людей если и пережили войну, то вынуждены были снова оказаться в положении беженцев-эмигрантов, узнав, что территория страны попадает в зону действия советских войск. Все те немногие, кто остался, в основном люди в смешанных браках и их семьи, вскоре глубоко пожалели об этом – несмотря на то что являлись чехословацкими гражданами, новой просоветской властью в стране вскоре все они были выданы органам НКВД с соответствующими последствиями.

Сегодня об этих старых русских корнях в Чехии напоминают лишь православные церкви и русские имена на старых могилах. Недалеко от центра Праги, на Ольшанском кладбище, где тоже есть православная церковь и находится множество русских захоронений, стоит, наверное, единственный в мире официальный памятник солдатам Русской Освободительной армии, так называемым «власовцам», стоит прямо у их братской могилы. Эти люди погибли в Праге в мае 1945 года. Погибли в бою, защищая чешскую столицу и ее восставших граждан, или, по крайней мере, будучи тогда в этом убежденными. И это было исторически последнее участие русских, но не советских военнослужащих в судьбе чешского народа.

---

<sup>6</sup> На этой волне также часто возникают спекуляции о том, что совсем не маленькая доля изначального государственного бюджета только что родившейся, но при этом неожиданно совсем не бедной Чехословакии как раз происходила из тайком привезенного легионерами из России золота, а как бы в благодарность за это президент страны решил предоставлять убежище и оказывать на государственном уровне всяческое содействие русским эмигрантам.

<sup>7</sup> Недалеко от этого места до сегодняшнего дня расположено и посольство России.

<sup>8</sup> Правильнее было бы сказать русскоговорящих, составленных как из этнических русских, так и из различных народов СССР.

### 3. Чешское Сопротивление

Внутри страны все антигитлеровские силы и движение Сопротивления можно разделить на три основные части:

1. Так называемое «военное» сопротивление, членами которого являлись в основном офицеры и генералы распущенной чешской армии, не смирившиеся с германским режимом.

2. «Гражданское» сопротивление, представленное различными политическими партиями и движениями, а также крупными профсоюзными организациями.

3. Различные вооруженные, но крайне малочисленные группы разведчиков и парашютистов, заброшенных на территорию Протектората Богемия и Моравия<sup>9</sup> как западными союзниками, так и со стороны СССР, а также часто на их базе организованные небольшие партизанские отряды. Эти группы по своей численности непосредственно до начала восстания в мае 1945 года мало когда превышали десяток человек, и как некое партизанское движение поэтому никак не могут сравниваться с партизанскими силами, действовавшими во время Второй мировой войны на оккупированной территории, например, Советского Союза или Югославии. Данный факт можно объяснить как небольшими размерами и типично европейской густонаселенностью территории Протектората, отсутствием в нем больших и удаленных лесных или горных массивов, позволяющих укрывать крупные вооруженные соединения, так главным образом и достаточно цивилизованным «сожительство» миролюбивого чешского населения и немецких властей, при котором, особенно в сельских районах, люди не проявляли особого интереса к политике вообще, а тем более к активному участию в каких-либо формах вооруженного сопротивления режиму. К тому же жизнь под управлением немцев для чехов ничем новым не являлась – за исключением последних двадцати лет самостоятельности, до этого несколько столетий они именно так и существовали.

Третья по данному списку часть движения сопротивления далее уже не будет рассматриваться в контексте в качестве отдельной силы восстания, несмотря на то что в процессе развития событий численность данных отрядов значительно выросла, а боевая активность усилилась<sup>10</sup>, так как к концу апреля 1945 года практически все эти группировки либо прямо управлялись извне, либо находились под влиянием или в непосредственном подчинении одного из двух вышеописанных крыльев внутреннего сопротивления. Поэтому на этих более влиятельных и многочисленных группах остановимся более подробно.

---

<sup>9</sup> Протекторатом Богемия и Моравия с 1939 года стала инкорпорированная в Третий рейх часть страны, оставшаяся после отделения самостоятельного государства Словакия и Судетских территорий, официально вошедших в состав Германии. (См. приложение «Протекторат».) Говоря применительно именно к территории Протектората Богемия и Моравия – в остальных частях бывшей Чехословакии ситуация была иной: в присоединенных к Германии Судетских территориях, практически полностью населенных немцами, естественно, никакого антигерманского сопротивления быть и не могло, в Словакии же, являвшейся отдельным государством, напротив, партизанское движение разрослось до значительных размеров, в нем фактически участвовали и многие части словацкой армии, перешедшие на сторону повстанцев целиком и со всем вооружением, включая тяжелое.

<sup>10</sup> В основном это происходило двумя способами: 1. Организованно, переходом на территорию Протектората партизанских соединений главным образом на Мораву со стороны Словакии и/или усилением численности заброшенных на чешскую территорию советских групп. 2. Достаточно стихийно, в самых последних днях войны, на фоне распада германской системы управления, когда некоторые чешские граждане решили все-таки якобы активно поучаствовать в освобождении собственной страны, а заодно и просто вылить накопившуюся злобу на немцев вообще, а кое-кто и просто помародерствовать под шумок. Особенно если противник в данном случае уже практически не был способен оказывать какое-либо действительно активное сопротивление или вообще был уже безоружен. Благодаря огромному количеству находившегося в Протекторате и уже практически бесхозного военного материала численность и количество таких «партизанских» отрядов росли с огромной скоростью, на вооружении у них иногда находились даже элементы бронетехники, как правило, брошенные уходящим Вермахтом или прямо конфискованные повстанцами у немцев.

«Военное подполье» возникло на территории бывшей Чешской Республики практически сразу после присоединения страны к Третьему рейху и официального провозглашения Протектората Богемия и Моравия<sup>11</sup>. Организация военного движения сопротивления под названием «Оборона Народа» по своему составу и организации отвечала структуре распущенной чехословацкой армии, и первым командиром ее официально считался генерал Йозеф Белый, действовавший под псевдонимом Атаман. Благодаря существовавшей в то время в Чехословакии, а до этого и в Австро-Венгерской монархии всеобщей воинской обязанности большинство взрослого мужского населения Протектората Богемия и Моравия прошло начальную воинскую подготовку, немало людей более старшего возраста также имело и опыт активных боевых действий во время Первой мировой войны и Гражданской войны в России<sup>12</sup>. Чешская армия не была уничтожена или разбита в бою, а была просто распущена<sup>13</sup>, включая и все звенья командного состава. Эти факты позволили «военному сопротивлению» достаточно быстро выстроить организованную и хорошо состыкованную сеть по целой территории Протектората, разделенную по армейской методике на большие и меньшие подразделения в зависимости от величины населенных пунктов, в которых располагались ячейки организации, и соответственно количеству потенциальных «призывников» в данных местах.

В то время мало кто в мире в действительности представлял себе на что способна новая армия Германии и каковы планы Адольфа Гитлера на ближайшее будущее. То же самое можно сказать и о реальных планах коммунистического правительства СССР и его Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Чешские генералы не являлись в этом исключением, поэтому первоначальной целью чешского «военного сопротивления» являлась быстрая подготовка противогерманского восстания на территории Протектората в координации с предполагаемым наступлением западных союзников, прежде всего Англии и Франции, официально объявивших Германии войну после нападения последней на Польшу в сентябре 1939 года. Но в скором времени неожиданная атака Польши и со стороны СССР с востока, а впоследствии и успешная кампания немецких вооруженных сил в Западной Европе показали полную несостоятельность подобных планов. Поняв это, организация переключила свою работу на поиск контактов с разведслужбами прежде всего западных союзников, передачу им разведанных, организацию нелегальной<sup>14</sup> переброски за границу военных специалистов, прежде всего обученных летчиков, многие из которых впоследствии участвовали в боевых действиях против Германии в составе вооруженных сил Франции и Великобритании. Подобного рода деятельность, естественно, долго не осталась без внимания немецких спецслужб. Генерал Белый – Атаман был арестован в 1940 году, после проведения следствия он был обвинен в государственной измене и казнен 27 сентября 1941 года, в то время когда война уже была в полном разгаре и на Восточном фронте, против СССР.

---

<sup>11</sup> См. приложения, документы по теме Протекторат.

<sup>12</sup> См. главу Русские корни.

<sup>13</sup> Исключение составляли небольшие «Правительственные войска Протектората» в количестве около 7000 чел. без тяжелого вооружения и вооруженная жандармерия. Многие члены обоих этих чисто чешских вооруженных формирований приняли участие в восстании на стороне повстанцев.

<sup>14</sup> Граждане Протектората Богемия и Моравия официально являлись гражданами не Германии как страны, но Германской империи – Третьего рейха, со всеми вытекающими правами и обязанностями граждан, а служба в иностранных армиях, являющихся противниками Третьего рейха, и/или какая-либо помощь таковым противникам считались чистой формой государственной измены, со всеми вытекающими последствиями для участвующих лиц. Вообще сам по себе Протекторат Богемия и Моравия, существовавший на чешской территории с 1939 по 1945 год, являлся одним из уникальнейших в мировой истории государственных образований, реальным описанием и изучением которого до сих пор занималось крайне мало историков и публицистов. Хотя это абсолютно необходимо для настоящего понимания событий чешского восстания в мае 1945 года и всей последующей истории развития Чехословацкого государства и даже причин его нового распада в 1992 году. См. также «Приложение» – перевод постановления об образовании Протектората Богемия и Моравия от 16 марта 1939 года.

К началу 1942 года гестапо удалось практически разбить связанную структуру «военного сопротивления» на территории Протектората Богемия и Моравия, тем не менее в крупных городах ослабленные ячейки все-таки продолжали свое существование, что впоследствии помогло значительно ускорить и организовать мобилизацию сил повстанцев в мае 1945 года. После гибели генерала Белого его место на позиции командующего «Обороны Народа» занял генерал Зденек Новак, он был арестован в июне 1944 года. Следующим был генерал Сильвестр Блага, которому также не долго удалось скрываться от вездесущего гестапо. Наконец в октябре 1944 года во главе движения «военного сопротивления» встал генерал Франтишек Слунечко, псевдоним Алекс, который успешно продержался на нелегальном положении вплоть до начала восстания в мае 1945 года.

30 апреля 1945 генерал Слунечко совместно с подполковником генштаба Раймундом Мразеком организовали в Праге один из основных командных пунктов восстания – штаб «Алекс». Вторым военным командным пунктом в городе являлся штаб «Бартош», организованный бывшим начальником отдела разведки «Обороны Народа» подполковником Франтишком Бюргерем (и названный его псевдонимом – Бартош) совместно с представителем бывших «Русских Легионеров» генералом Карлом Кутлвашером (см. в разделе «Личности»).

Штаб «Алекс» при этом, по замыслу, должен был заниматься организацией и подготовкой к восстанию частей, находящихся в ведении «военного» крыла сопротивления вне территории Праги; находившийся в формальном подчинении штаба «Алекс», штаб генерала Кутлвашера «Бартош» получал в свое распоряжение военизированные или по-военному организованные части, находившиеся прямо на территории столицы. Такими частями прежде всего являлись имеющие собственное вооружение немногочисленные военнослужащие протекторатного правительственного войска, чешская полиция и жандармерия, погранично-таможенная служба, а также члены чешских отрядов противовоздушной обороны – Люфтшутц<sup>15</sup> и сочувствующие движению лица из рядов бывших военных.

Изначальное сложение и структура гражданского или так называемого политического движения сопротивления на территории Протектората Богемия и Моравия были крайне пестрыми. Различные политические партии или движения, существовавшие как официально, так и на нелегальном положении, часто провозглашали прямо противоположные друг другу цели и устремления, как правило, защищая при этом интересы определенных слоев населения. В целом политическое сопротивление можно также внутренне разделить на левое и правое крыло, единственным объединяющим фактором которых являлось совместное неприятие действующего германского режима на территории Протектората и желание обновления самостоятельности и независимости страны, но вот во взглядах на дальнейшее будущее нового государства, как и на его возможные границы, их позиции сильно расходились...

Крайне левыми, безусловно, являлись коммунистическая партия Чехословакии на нелегальном положении и сочувствующие ей граждане, различные рабочие ячейки на крупных предприятиях и некоторые профсоюзные организации, также находившиеся под сильным влиянием коммунистической партии. В отличие от разнородных демократов, националистов или социалистов в «правом» крыле сопротивления, коммунисты были хорошо организованы. Несмотря на нелегальное положение партии, имели функционирующую и взаимосвязанную сеть ячеек по всей стране, взаимодействовали с заброшенными в тыл противника советскими разведывательными и подрывными группами, имели налаженную связь

---

<sup>15</sup> LUFTSCHUTZ – полувоенная организация, созданная германскими властями на всех подконтрольных территориях для борьбы с последствиями авианалетов противника.

с вооруженными силами и партийными органами СССР. Все это, естественно, не без помощи последних. Цели коммунистического движения также были предельно ясными – освобождение от германской оккупации<sup>16</sup> и организация на территории освобожденной Чехословакии<sup>17</sup> государства рабочих и крестьян по образу и подобию Советского Союза. Как подходящая сила освобождения, с точки зрения коммунистов, в расчет, естественно, приходила только Красная Армия. Свои основные задачи коммунистическое движение сопротивления видело главным образом во всяческом содействии продвижению советских войск, в том числе и способом вооруженной борьбы на местах, а также в пресечении попыток различных «правобуржуазных» элементов в активном взаимодействии с западными союзниками с целью установления в будущем на освобожденной территории страны какого-либо иного государственного строя, не входившего в планы местных коммунистов и их коллег из Советского Союза. Прокоммунистическое «левое» крыло сопротивления являлось впоследствии одним из главных и значительных самостоятельных участников восстания, сыграло в нем свою немаловажную роль, а также оказало решающее влияние непосредственно на его конечные результаты и последствия.

До конца 1942 года «правые» крылья движения сопротивления внутри страны практически никак не соприкасались с левыми и не пытались организовать какую-либо совместную деятельность. Либерально-демократические или националистические круги различного толка представляли главным образом интересы средних и высших слоев населения, и исходя из этого их связь с рабочим классом и крестьянством, соответственно как и с представляющими их организациями, была крайне слаба. К тому же внутренне правые еще были разделены как не полным соответствием взглядов между различными партиями и организациями, так к тому же еще и территориальным членением на «чешские» и «моравские» группы. Первым толчком к совместному и организованному противодействию германским властям скорее всего послужило покушение на Рейнхарда Гейдриха 27 мая 1942 года в Праге<sup>18</sup>, осуществленное группой чешских парашютистов-добровольцев, тренированных за границей и заброшенных в Протекторат из Англии. Но лишь к самому концу 1944 года, под влиянием правительства президента Эдварда Бенеша в эмиграции, внутри страны наметилась тенденция к сплочению и разнородных правых сил, главным органом которых должна была стать новоизбранная Чешская Народная рада – совет, в который бы входили представители всех антигитлеровских политических сил на территории Протектората Богемия и Моравия и который, по мнению организаторов, являлся бы прообразом будущего правительства свободной Чехословакии (см. приложение «Состав ЧНР»).

---

<sup>16</sup> Глядя в глаза голой правде и историческим фактам, состояние Протектората Богемия и Моравия и его отношения с Германией крайне тяжело назвать ОККУПАЦИЕЙ в полном смысле этого слова. (См. также «Приложение» – перевод постановления об образовании Протектората Богемия и Моравия от 16 марта 1939 г.) Сам этот термин вообще вошел в широкое обращение среди чешского населения непосредственно лишь в самые последние дни Второй мировой войны, во время восстания, и стал стабильно использоваться как единственно применимый к состоянию Чехии с 1939 по 1945 год после окончания войны и до наших дней, явно в связи с послевоенным стремлением чешского народа как можно сильнее дистанцировать себя от гитлеровской Германии и ее Третьего рейха, частью которого являлся Протекторат, а подавляющее большинство его граждан при этом активно участвовали в жизни рейха и трудились на его благо, существуя при этом в достаточно комфортных условиях, часто даже лучших, чем в самой Германии. Во время войны термин *оккупация* чаще всего использовался применительно к Протекторату исключительно в пропагандистских целях, в прокламациях и заявлениях чешских представителей, находившихся за рубежом, в Великобритании или СССР.

<sup>17</sup> Фактически от самого начала все антигитлеровские движения бывшей Чехословакии в качестве одного из основных пунктов своих «послевоенных программ», в случае поражения Германии, естественно, имели обратное воссоединение государства чехов и словаков.

<sup>18</sup> Главными действующими лицами являлись парашютисты-диверсанты Йозеф Габчик и Ян Кубиш, заброшенные в Протекторат с приказом от чехословацкого правительства в эмиграции, а именно от президента Эдварда Бенеша, любым способом ликвидировать главу германской администрации в Протекторате. Свою миссию парашютисты исполнили – Гейдрих умер от полученных при покушении ранений, – но и сами они были найдены немецкими карательными органами вскоре после покушения, оба погибли в перестрелке.

Само покушение на главу германской администрации Протектората было задумано и спланировано чехословацким президентом в английской эмиграции Эдвардом Бенешем и его ближайшими соратниками главным образом с целью обратить на себя внимание союзников по антигитлеровской коалиции и хоть как-то подтвердить свою легитимность в качестве правительства в эмиграции, а заодно показать им же, что и на территории Протектората Богемия и Моравия тоже существует движение Сопротивления. Дело в том, что до этого фактически никаких явных признаков хоть какой-то активной борьбы населения Протектората с так называемой германской оккупацией видно не было, зато активная помощь высоко развитой чешской промышленности и сельского хозяйства военным усилиям Третьего рейха была просто огромна, а установленная и начатая именно Гейдрихом национальная программа «превращения чехов в немцев» начала успешно воплощаться в жизнь, опять же без особых протестов со стороны в подавляющем большинстве лояльного к властям местного населения. На территории собственно Протектората, а не только отсоединенных от Чехии судетских земель, находилось достаточно большое количество этнического немецкого населения и смешанных чешско-немецких семей, а сами чехи, еще совсем недавно (до 1918 года) являвшиеся гражданами Австрии, во вновь установленных немецких порядках опять же не видели ничего для себя особо нового или сильно необычного, как и в немецком языке в качестве (пока) второго государственного. К тому же расовой комиссией при Имперском Управлении безопасности (РСХА), после проведенных исследований, чехи были признаны расово чистым арийским народом, даже появилась формулировка о том, что *«чехи, это в общем-то тоже немцы, которые в силу различных причин и исторических ошибок не говорят на немецком языке и подлежат возвращению к своим немецким корням»*, вот так. Соответственно данным условиям жители Протектората Богемия и Моравия не подвергались какому-либо особо жесткому обращению со стороны новых властей, а на фоне феноменальных успехов германской армии на Западном, а в начальной стадии боевых действий и Восточном фронте какая-либо деятельность чешского сопротивления начала вообще снижаться до нулевой отметки. Активистам различных крыльев антигитлеровского движения было все труднее заинтересовать в своей деятельности обычных граждан, которых и так все устраивало, а народные антинемецкие настроения в самом начале сороковых годов уже ограничивались лишь передаваемыми из уст в уста анекдотами или газетными публикациями, что в общем соответствовало норме жизни и в Габсбургской Австрии. Находящееся в Лондоне «чехословацкое правительство в эмиграции» примерно через год после своего отъезда из страны практически потеряло всяческое влияние на происходящее в Протекторате, а распространяемая им пропаганда перестала интересовать жителей, так как создающие ее люди явно были слишком далеки от реальности на месте.

Все эти факты, естественно, не остались без внимания соответствующих спецслужб западных союзников, какие-либо операции для поддержания почти несуществующего или слишком пассивного движения Сопротивления в Протекторате или прекратились совсем, или были сведены к минимуму, как были урезаны и различные субсидии чехословацкому правительству в британской эмиграции в пользу усиления помощи оккупированной Польше и Югославии (а с 1943 года и Италии), где повстанческое движение действительно имело значительные размеры и заслуживало всяческой поддержки. В довершение всего в начале 1942 года на территории СССР под руководством подполковника Людвика Свободы и находящихся там в эмиграции чехословацких коммунистов начала свое формирование новая чехословацкая армия за границей, изначально составляемая из многочисленных военнопленных и перебежчиков, главным образом словаков<sup>19</sup>. Формирование и оснащение этих

---

<sup>19</sup> Армия самостоятельного государства Словакия, являвшегося активным союзником Германии, участвовала в боевых действиях против СССР совместно с германским Вермахтом. Отсюда и большое количество словаков как перебежчиков,

воинских частей проходило быстро и успешно, а главное, целиком на средства Советского Союза. Одновременно с этим в СССР образовывался и некий, естественно прокоммунистический, комитет чехословацких эмигрантов, дистанцирующий в своих действиях от «своего правительства» в Лондоне. В этой ситуации англичане вообще начали серьезно задумываться о целесообразности содержания президента Бенеша, его кабинета, целого правительства в эмиграции и целого штаба его несуществующей армии, так как фактически все созданные из чехословаков воинские части уже находились в составе британских вооруженных сил и, соответственно, ими же обеспечивались и управлялись, а чехословацкое правительство в Лондоне являлось таковым только лишь по названию.

В таком виде данная ситуация устраивала всех, видимо, даже на обеих сторонах баррикады, кроме как, по вполне понятным причинам, самого чехословацкого «президента в эмиграции» Эдварда Бенеша и его соратников. Организацией покушения на Гейдриха профессиональный политик Бенеш решил пойти «ва-банк», чтобы удержать свою позицию в глазах Запада и показать наличие активного сопротивления в Протекторате, несмотря на то что вся операция целиком планировалась и осуществлялась извне. С точки зрения Бенеша, он в любом случае ничего не терял – при срыве целого плана все останется просто как было, не считая потери еще пары парашютистов, при успехе же операции можно было ожидать оживления интереса к чешскому вопросу со стороны Запада, а тем и к нему и его правительству. Более того, Бенеш и его люди в Лондоне преднамеренно не информировали о готовящемся покушении представителей чешского сопротивления в Протекторате, с которыми лондонское правительство находилось в постоянном радиоконтакте в основном через передатчики забрасываемых из Англии разведгрупп. О задании прибывших парашютистов Габчика и Кубиша представители сопротивления в Протекторате узнали лишь в самый последний момент перед проведением покушения, да и то от самих диверсантов, когда последним стало ясно, что проведение данной акции будет невозможно без дополнительной помощи от людей на месте.

Представители чешского сопротивления на территории страны немедленно засыпали Лондон радиопешиками с требованиями отменить приказ к покушению. Они апеллировали главным образом к тому, что лондонское правительство не имеет представления о реальной ситуации в стране, а физическая ликвидация одного из германских политических лидеров, пусть и очень высокого ранга, никак не изменит к лучшему ситуацию в Протекторате, напротив, по уже известным примерам с оккупированных территорий Польши, СССР или Югославии подобные акции лишь вызовут жестокий ответ с немецкой стороны, главными жертвами которого станут обычные жители Протектората. Кроме того, вследствие подобных акций можно ожидать лишь резкого ужесточения режима и тем еще большие трудности в действиях сопротивления. В то время как на место ликвидированного гитлеровского функционера просто придет новый. Но Эдвард Бенеш решил идти к достижению своих собственных целей в буквальном смысле «по трупам», приказ на ликвидацию обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха парашютистам был подтвержден, и покушение проведено, несмотря на все протесты на месте. В конце концов самому Бенешу и его людям в Лондоне было нечего бояться... их гестапо за это не наказало... Зато все самые худшие ожидания оппозиции на месте более чем подтвердились – недалеко от Праги карателями была сожжена целая деревня Лидице и со всем населением из-за подозрения, что в ней скрывались убийцы Гей-

---

так, к 1942 году, и военнопленных. Чехи на Восточный фронт попадали лишь изредка, как правило, из числа людей, получивших немецкое гражданство и призванных на основании этого в ряды регулярной армии Германии, а также из призванных в Красную Армию с Западной Украины проживавших там чешских колонистов. Массовому приливу добровольцев в новоорганизованную чехословацкую армию в СССР в не последней мере помогло и то, что при выборе между хоть и относительной, но все-таки свободой при службе в воинской части и нахождением в сталинском лагере военнопленных, уже побывавших в советских ГУЛАГах, явно не требовалось долго убеждать.

дриха, по всей стране проведены массовые репрессии и аресты, в результате которых чешское сопротивление было практически уничтожено, тысячи людей попали в концлагеря и тюрьмы, многие лишились жизни. Тем не менее в результате всего этого Бенеш достиг своей цели – массовые казни, учиненные карателями СС в Лидице, подняли волну негодования в мировой прессе, а Протекторат Богемия и Моравия и происходящие там кровавые события заполнили первые полосы британских и американских газет. Эдвард Бенеш со своим «правительством» был снова в поле зрения, с ним снова говорили, его снова приглашали, он выступал по радио, с ним считались, его снова щедро субсидировали... А в самом Протекторате, предсказуемо из-за резкого увеличения репрессий против населения со стороны властей, ухудшились условия жизни, вследствие чего усилились и антигерманские настроения, начало возрождаться и объединяться антигитлеровское подполье, люди стали снова интересоваться радиопередачами лондонского правительства, снова набирающего вес в деятельности сопротивления.

Тем не менее, а это является одним из решающих факторов в ходе рассматриваемых далее событий мая 1945 года, вплоть до начала самого восстания, различные крылья внутреннего чешского движения Сопротивления так и не имели между собой реально функционирующей связи, ни одно из крыльев сопротивления нельзя назвать ни основным, ни ведущим, ни руководящим, ни одно серьезно не готовилось к какому-либо организованному выступлению против режима, а соответственно не имело и никакого плана для подобного мероприятия<sup>20</sup>, ни одно в действительности не располагало нужными для этого организационными силами и материалом, и в то же время каждое из направлений сопротивления продолжало преследовать и пропагандировать свои собственные цели. Планируемое создание Чешской Народной рады являлось только зародышем какой-либо совместной деятельности различных направлений чешского сопротивления, на развитие которого уже не оставалось времени, а о существовании которого даже далеко не все участвующие в оном сопротивлении были должным образом информированы. Сама рада вплоть до начала мая 1945 являлась в действительности лишь дискуссионным собранием представителей различных групп (причем еще не всех), абсолютно без какой-либо реальной власти и влияния. То есть:

**НЕПОСРЕДСТВЕННО К МОМЕНТУ НАЧАЛА САМОГО ВОССТАНИЯ В ПРАГЕ, КАК И НА ВСЕЙ ОСТАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ ПРОТЕКТОРАТА БОГЕМИЯ И МОРАВИЯ, НЕ СУЩЕСТВОВАЛО ЕДИНОГО ОРГАНИЗОВАННОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИЛИ ОРГАНА, ИМ УПРАВЛЯЮЩЕГО.**

И это является голым историческим фактом, несмотря на все послевоенные попытки утверждать обратное, а главным образом представлять Чешскую Народную раду (которая уже в процессе самого восстания в Праге и далее находилась под сильным влиянием коммунистического крыла) в качестве изначально главной, ведущей и организационной силы того, что впоследствии будет названо «Чешским Народным восстанием» в мае 1945 года. А одним из главных доказательств данного исторического факта является само появление в Праге Первой дивизии РОА и ее участие в пражских событиях в том виде, как это произошло.

---

<sup>20</sup> То есть планы-то, конечно, были, и много, но по эффективности практического применения их можно сравнить с моим собственным планом полета на Луну с помощью тротиловой шашки и старого холодильника «ЗиЛ», созревшим у меня в мои 8 лет от роду. Один из «более-менее реальных» планов был составлен капитаном Яромиром Неханским, впоследствии одним из наиболее значимых людей восстания, заброшенным в Протекторат из Англии с целью завязать контакт с ведущими представителями сопротивления на месте и инициировать активные выступления. Но и его план в основе своей был рассчитан главным образом на несуществующие организованные силы внутри страны и мощную материальную и военную поддержку извне, ни того, ни другого в действительности не было. О капитане Неханском и его роли в восстании см. в следующих главах и личных досье.

## 4. Общая ситуация к началу восстания

### Советская армия и западные союзники

Уже семнадцатого февраля 1945 года И. В. Сталин одобрил проведение двух войсковых наступательных операций на чешском направлении.

Первая была подготовлена командованием Четвертого Украинского фронта. По этому плану советские войска должны были наступать с востока, в направлении городов Тешин, Фридек-Мистек и Оломоуц, во втором этапе наступления, по плану на пятнадцатый день, достичь линии Йозефов – Градец Кралове – Пардубице – Хотеборж; еще через тридцать дней боев Четвертый Украинский фронт должен был выйти к реке Влтава и занять Прагу. Данная операция называлась Моравско-Оставская, по имени крупнейшего города в направлении первого удара, и начало ее было установлено на 10 марта.

Второй удар, с южной стороны, силами Второго и Третьего Украинских фронтов должен был начаться 15 марта 1945 года. Первыми целями были сразу две европейские столицы – словацкая Братислава и австрийская Вена, далее планировалось добыть моравские города Брно и Зноймо, после чего общее наступление должно было далее проходить по чешской территории в северном направлении на город Пльзень.

Главным козырем общего наступления должна была являться полная взаимная координация действий всех трех задействованных Украинских фронтов. Но грандиозные планы командования Красной Армии практически с самого начала потерпели крах на южном направлении – у Моравской Оставы германская армия неожиданно сильно укрепилась на своих позициях, что показало несколько пробных ударов, а 6 марта и вообще началось последнее крупное немецкое контрнаступление в Венгрии, в районе озера Балатон. Таким образом двигаться вперед мог только Четвертый Украинский фронт, что и было все-таки предпринято, несмотря на отсутствие поддержки с юга. Но две изолированные армии Четвертого Украинского фронта самостоятельно не смогли проломить немецкие позиции, за восемь дней упорных боев и при огромных потерях советские войска продвинулись лишь в некоторых местах и лишь максимум на десять-двенадцать километров в глубину обороны противника, 17 марта наступление было остановлено командованием.

Двадцать четвертого числа того же месяца советское наступление в районе Моравской Оставы было возобновлено, в этот раз с направлением удара восточнее, на город Опава, части Красной Армии на начальном этапе продвинулись вперед, у города Ратиборж им удалось форсировать реку Одер и создать плацдарм на западном берегу. Но немцы провели ответный контрудар со стороны от города Богумин, с угрозой отрезать наступающие советские силы с фланга. В результате этого пятого апреля Моравско-Оставская операция была снова остановлена.

В то же время на Западном фронте англо-американские войска, перейдя Рейн, уже стремительно продвигались по территории Германии, явно не встречая такого ожесточенного сопротивления со стороны Вермахта, как советские части на востоке. Ситуация с запада развивалась так стремительно, что к началу апреля войскам западных союзников практически была открыта дорога как к столице Германии – Берлину, так и к территории бывшей Чехословакии. Все это не могло не волновать советское командование и лично Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина, так как Чехословакия, по предварительным договоренностям сторон на конференциях в Тегеране и Ялте, должна была после поражения Германии попадать в «сферу влияния» Советского Союза, и освобождать ее также должна была

поэтому Красная Армия, как и брать немецкую столицу, что было для Сталина явно еще и вопросом чести и престижа.

В направлении прямо на Берлин со стороны советской армии стояли две, наверное, самые сильные на то время в мире группы войск – Первый Белорусский фронт и Первый Украинский фронт, плюс значительные тактические резервы, в числе которых две танковые армии под командованием генералов Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко. Из-за усложнившегося положения Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов в Чехии, Венгрии и Австрии, Ставкой Верховного Главнокомандования СССР было принято решение о том, что Первый Украинский фронт поведет наступательные операции к югу от Берлина, ближе к границам Протектората, вдоль течения Эльбы в направлении на немецкий город Дрезден. Данное решение являлось стратегически очень выгодным, так как клин советского наступления устремлялся в обхват сильно укрепившегося в Берлине противника, навстречу англо-американским войскам, отрезая от обороняющихся в столице Германии крупные силы немецкой группы армий «Центр», находящиеся на чешской территории, а также позволяло, в случае надобности, как ударить на север, помогая штурмующим Берлин войскам Первого Белорусского фронта, так и на юг, в направлении на Прагу.

В то время как на советской стороне все планы и цели были поняты и четко установлены, а планирование всех войсковых операций проводилось в соответствии со всеми политическими требованиями правительства СССР, между западными союзниками разгорелись политические споры, главным инициатором которых являлся премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и английская дипломатия. Во-первых, несмотря ни на что Британия отказывалась окончательно смириться с тем, что Чехословакия, в межвоенный период являвшаяся самым экономически развитым и прозападно ориентированным демократическим государством Восточной Европы, должна была стать «трофеем» Сталина и сугубо советским сателлитом или в лучшем случае пойти по «югославскому пути»<sup>21</sup>. Во-вторых, учитывая создавшуюся на фронтах ситуацию и открывшиеся возможности удара на Берлин с запада, Черчилль, опять же с политической точки зрения, настаивал на взятии столицы Германии силами англо-американских войск. Напротив, главнокомандующий американскими силами в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр планировал все военные операции в полном согласовании со своими советскими союзниками, игнорируя требования британцев, к крайнему неудовольствию последних. Но в данной фазе развития событий британский голос уже не являлся решающим. Сам Эйзенхауэр, видимо, пытался смотреть на вещи с чисто операционно-тактической, военной точки зрения, к тому же в то время американцы серьезно рассматривали и возможность отхода остатков немецких войск в так называемую «Альпийскую крепость» на территории Австрии<sup>22</sup> и, соответственно, старались сделать все

---

<sup>21</sup> На территории сегодня уже опять несуществующей Югославии (Сербия + Косово, Хорватия, Македония, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория) в течение всей Второй мировой войны в качестве основной антигитлеровской силы действовала партизанская армия под командованием Иосипа Броз Тито, поддерживающего прокоммунистические настроения. После завершения Второй мировой войны Тито пришел к власти в Югославии, провозгласив ее «Социалистической республикой», и наладил тесные дружеские контакты с режимом Сталина. Хотя это и не сильно порадовало всю войну помогавших стране западных союзников. Но в результате постоянной, на протяжении всей войны, активной помощи титовским партизанам прежде всего со стороны Британии, и постоянного контакта командования югославских партизан с западными союзниками новообразованная Югославская республика вплоть до своего распада в 90-х годах XX века являлась самой «прозападной» и не зависимой от СССР из всех так называемых соцстран.

<sup>22</sup> «Альпийская крепость» – Festung Alpen – или крепость Альпы, это, видимо, один из самых удачных и, наверное, и последний крупный блеф, созданный пропагандой Третьего рейха. Суть состояла в том, что все боеспособные остатки вооруженных сил Германии, главным образом СС, и правительство рейха будут стянуты в некую долго подготавливаемую неприступную крепость, занимающую целый регион в Австрийских Альпах, откуда будет продолжаться сопротивление, главным образом с использованием различного «чудо-оружия», о котором также много говорилось в конечной стадии войны. С 1943 года, с начала постоянных массовых авианалетов на немецкие города и промышленные центры, в Германии действительно производилось огромное количество работ по созданию различных подземных объектов – бункеров, складов, пунктов управления, даже целые стратегически важные производства (в том числе самолетов и ракет V-1 и V-2)

возможное, чтобы этого не допустить, а также по возможности и не пустить советские войска в Данию – будущую западную зону оккупации. Так что одним из направлений главного удара являлись Бавария и Горная Австрия на юге и северо-запад Германии. Хотя и с американской стороны мнения расходились: например, генерал Омар Брэдли, командующий 12-й группой армий США<sup>23</sup>, был целиком согласен с Эйзенхауэром и считал, что принесение в жертву амбициям жизни более чем ста тысяч собственных солдат, а именно таков был предварительный грубый анализ возможных потерь при штурме Берлина западными союзниками, это «...слишком высокая цена за престиж, возьмем ли во внимание то, что потом мы должны будем уйти и оставить завоеванную территорию другим...» – этим имелась в виду достигнутая договоренность о распределении между союзниками по антигитлеровской коалиции оккупационных зон после поражения Германии, также генерала Брэдли раздражала «...английская склонность усложнять войну политическими взглядами и невоенными целями...». В то же время подчиненный Брэдли, командующий 3-й армией США, входившей в 12-ю группу, один из самых решительных американских военачальников генерал Джордж Паттон, активно настаивал если не на взятии Берлина, то по крайней мере на том, чтобы не останавливаться у границ Германии, а на быстром продвижении в глубь чешской территории и взятии Праги, так как положение его армии и практически минимальное сопротивление немцев на этом направлении как бы само собой предоставляло такую возможность, причем за цену минимальных потерь по сравнению со штурмом германской столицы.

Британские трения с американцами по политическим вопросам будущего Германии и Чехословакии проходили еще даже тогда, когда расстояние между Восточным и Западным фронтами на немецкой территории уменьшилось настолько, что координация действий войск с обеих сторон была уже просто функционально необходима, так как со дня на день они могли просто встретиться буквально лицом к лицу.

Поэтому 21 апреля 1945 года генерал Дуайт Эйзенхауэр сообщил в Москву, что во избежание недоразумений останавливает свои войска на линии от реки Эльба на севере к реке Мулде и Рудным горам (Крушные горы, в чешском варианте) на границах Чехии на юге, далее описал план действий союзников в Баварии, Австрии и на севере Германии, а также попросил без промедления ознакомить его с планами советских войск в указанных регионах. Ответом ему была информация о том, что планом Красной Армии является захват Берлина, очищение от противника восточного берега Эльбы к северу и югу от немецкой столицы, а также ликвидация крупной группировки немецких войск в долине реки Влтава, являющейся притоком Эльбы, на берегах которой расположена и чешская столица. Хотя прямо название города Прага и четко записанная необходимость его штурма советскими войсками в изначальном документе и отсутствовало, тем не менее из контекста это выходило. Несмотря на это американское высшее военное командование в Европе продолжали засыпать английские

---

были размещены в подземных туннелях; некоторые подобные секретные объекты строились и на обозначенной территории Австрии, что, естественно, не ускользнуло от внимания союзнических разведслужб, а таким образом и косвенно подтверждало информацию о якобы создании «Альпийской крепости». Кроме того, общая атмосфера секретности, тяжелая доступность этих мест, определенные реальные успехи немцев в развитии наисовременнейших видов вооружений, а также и широко известное специфическое отношение к региону самого Адольфа Гитлера играло только на руку слухам о существовании неприступной крепости в Альпах. Союзническое командование придавало этой информации серьезное значение, так как само наличие подобных подготовленных позиций в неприступных горах и отступление на них хотя бы некоторых частей Вермахта или СС могло бы продолжить войну в Европе еще минимум на несколько месяцев. Блеф был настолько силен, что в него поверил не только противник, но и многие немецкие командиры, в последние дни апреля и начала мая 1945 года пытавшиеся со своими частями отступить к несуществующей «крепости Альпы». Исключением не являлся даже любимец Гитлера, «самый опасный человек Европы» – оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, с остатками своего специального командо пробившийся к «горной крепости», где нашел лишь альпийские луга и мирные деревеньки...

<sup>23</sup> В ее состав входили четыре американские армии: 1-я, 3-я, 9-я и 15-я, всего более 1 миллиона 300 тыс. военнослужащих.

предложения по «решению чехословацкого вопроса». Двадцать восьмого апреля 1945 года начальник Генерального штаба вооруженных сил США генерал Джордж Маршалл писал Эйзенхауэру: «...британцы предлагают продолжать продвижение в Чехословакию, в случае если это не будет мешать или отдалять окончательный разгром Германии...», а также «...я лично, невзирая на все последствия в обеспечении, тактике или стратегии, не хотел бы рисковать американскими жизнями ради чисто политических целей. Чехословакия должна быть очищена от немецких сил, а мы это можем сделать совместно с русскими...»

Эйзенхауэр, естественно, согласился со своим начальником Генерального штаба, а в ответ сообщил, что его главными направлениями являются немецкий город Любек (то есть не пустить русских в Данию) и австрийский Линц (чтобы отрезать немцев от мнимой «Крепости Альпы»).

А так командующим союзническими экспедиционными силами в Европе было принято «соломоново» решение – Берлин, в соответствии со всеми договоренностями между востоком и западом, остался целью Красной Армии, а армия генерала Паттона не останавливалась на старых чешско-немецких границах, а продвигалась на восток до линии Карловы Вары – Пльзень – Чешские Будейовице, захватывая с запада Судетскую часть Германии, являвшуюся до 1938 года еще чехословацкой территорией. Здесь, в ближайшем месте примерно на расстоянии восьмидесяти километров от чешской столицы, американская армия должна была остановиться до дальнейших приказаний. Паттону, в подчинении которого к началу мая 1945 года находилось уже около полумиллиона человек, также еще раз специально намекнули «сверху», чтобы он ни в коем случае не пытался провоцировать русских несанкционированным продвижением вперед, но, с другой стороны, и разместил свои силы так, что при необходимости можно было бы оперативно выдвинуться в направлении на Прагу.

В Москве также знали о нажиме со стороны англичан на военное командование западных союзников. Лондонская резидентура сообщала, что если, в соответствии с британским планом, Прагу освободит не Красная Армия, а англо-американские войска, это может сильно отразиться на послевоенной политической ориентации Чехословакии. В связи с этим первого мая 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования во главе со Сталиным приняла решение о проведении Пражской операции силами Первого Украинского фронта генерала И. С. Конева, который должен был в срок до третьего мая закончить ликвидацию немецкой 9-й армии, окруженной у Люкенвальде, вычистить от противника свой участок берлинского фронта и развернуться в южном направлении, в Чехию. На следующий день приказ к наступлению на Прагу получил и командующий Вторым Украинским фронтом А. И. Еременко, к чешской столице его войска должны были подойти по плану не позднее середины мая, а на их пути при этом находилась все еще полностью боеспособная большая часть немецкой группы армий «Центр» численностью около девятисот тысяч человек под командованием убежденного нациста фельдмаршала Шернера.

К началу мая 1945 года, в момент получения нового приказа, и Первый и Второй Украинские фронты находились еще на расстоянии более трехсот километров от чешской столицы, причем части Первого еще сражались в предместьях Берлина, а Второй с трудом преодолевал все еще сильную немецкую оборону на всем своем пути.

Рано утром четвертого мая 1945 года вышел первый официальный приказ маршала Конева войскам его фронта к проведению быстрого удара по обоим берегам реки Эльба с целью уничтожить группировку противника в районе Дрезден – Горлитц, а потом двигаться в направлении города Праги. Главные ударные силы наступления, включающие в себя также и две танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко, должны были быть готовы к атаке шестого мая, достигнуть Праги планировалось на шестой день операции, то есть двенадцатого мая 1945 года.

По стечению обстоятельств, в тот же самый день окончательное решение было принято и в штабе западных союзников. В своем дневнике четвертого мая 1945 года генерал Паттон написал: «...в 19.30 звонил Брэдли, сказал, что дали зеленый свет к наступлению в Чехословакию...», того же четвертого мая, полностью соблюдая союзническую этику, Эйзенхауэр проинформировал о своих действиях также и советское командование. В депеше было как сообщение о том, что американские войска будут остановлены на линии Карловы Вары – Пльзень – Чешские Будейовице, так и информация об их готовности, в случае необходимости, продвинуться далее на восток и «...очистить от противника западные берега Эльбы и Влтавы...», название самой Праги дипломатично не упоминалось.

Несмотря на всю мягкость формулировок, послание американского командующего не на шутку обеспокоило советский Генеральный штаб – на взятии Праги силами Красной Армии твердо настаивал сам генералиссимус Сталин, но при этом все понимали, что при своем исходном положении и известной неохоте немецких войск на данной стадии войны сопротивляться западным союзникам американцы смогут войти в Прагу, возможно, даже раньше, чем советские войска вообще пробьются к чешским границам; тем более что на пути армии Паттона уже практически не находилось каких-либо мало-мальски серьезных соединений германских вооруженных сил, ситуация же с советской стороны была и в этом прямо противоположной.

«Русские спешили и нервничали», – говорил потом об этой ситуации Дуайт Эйзенхауэр, который уже пятого мая получил ответ начальника советского Генерального штаба генерала А. И. Антонова, в котором последний настаивал на очищении от противника обоих берегов Влтавы (и правого и левого) исключительно силами Красной Армии, а также на бескомпромиссной остановке войск генерала Паттона на линии Карловы Вары – Пльзень – Чешские Будейовице. Аргументировал Антонов тем, что советская армия уже перегруппирована и движется в соответствии с планом на территорию Чехословакии, а неостановка американцев на объявленной линии может привести к нежелательному перемешиванию или даже случайному конфликту войск обоих союзников, чего, как все знали, ни в коем случае не хотел допустить Эйзенхауэр. К тому же Антонов припомнил ему и то, что по просьбе западных союзников советские войска остановили свое продвижение на севере Германии, чего сейчас, как бы в ответ, требовалось от американцев в Чехии.

Генерал Эйзенхауэр с самого начала не собирался серьезно нарушать никакие союзнические обязательства – уже пятого мая в дневнике Паттона появляется запись о том, что в соответствии с распоряжением «сверху» его части должны будут остановиться в Пльзени, а далее в направлении Праги можно будет выслать только разведывательные группы. Шестого мая американским генеральным штабом был выдан официальный приказ всем войскам по этому поводу.

В то же время ни англичан, ни тем более чешских представителей американцы об этом информировать не спешили.

Первым, кто узнал о том, где точно остановятся американские войска, почти что случайно стал командующий советским Первым Украинским фронтом маршал Иван Степанович Конев – пятого мая он давал банкет в честь командиров союзнической 12-й группы армий, на котором генерал Омар Брэдли по собственной инициативе передал ему карту с четким обозначением конечных позиций для войск США в Чехословакии, вместе с устным подтверждением того, что установленные рубежи не будут с американской стороны нарушены.

Но судя по его последующей реакции – на следующий же день Конев приказал своему фронту срочно сократить подготовительный этап Пражской операции и немедленно выдвинуться к столице Чехии – советский маршал американцам либо просто не поверил, либо решил все-таки перестраховаться.

Это было шестого мая 1945 года, и это был штабной приказ командующего фронтом на уровне целого Первого Украинского фронта. То есть этот приказ, полученный в штабах армий, должен был быть соответствующим образом обработан, потом передан в дивизии, потом в полки, батареи, батальоны и роты... Каждая из частей должна была, приняв приказ, получить снаряжение, топливо, подготовить транспорт, собраться в маршевый порядок и так далее... Это все в ситуации, когда уставшие и измотанные одним из самых кровавых сражений Второй мировой войны войска Первого Украинского фронта не имели ни одного дня не то что на отдых, но даже на порядочную перегруппировку, а некоторые части фронта и вообще еще продолжали где-то вести боевые действия. На переполненных беженцами и войсками дорогах по направлению от Берлина к чешским границам царил невообразимый хаос, а впереди многих советских солдат ждали еще более чем три сотни километров пути по еще не очищенной от противника территории, пограничные перевалы Рудных гор и сильная немецкая оборона. Некоторые ударные части Первого Украинского фронта неимоверными усилиями своих солдат и офицеров начинали свое движение на юг уже к вечеру шестого мая 1945 года, когда в Праге уже второй день звучали выстрелы и строились баррикады.

## Немцы

В апреле 1945 года германский Третий рейх представлял собой в действительности лишь Протекторат Богемия и Моравия, северо-западные Судеты (также до 1938 года являвшиеся чешской территорией) и горную часть Австрии<sup>24</sup>. Лишь на этой территории находились значительные, совокупные и еще боеспособные силы германской армии, здесь, несмотря ни на что, еще работала практически не тронутая боями и авианалетами военная промышленность и функционировали все органы имперской власти.

Все еще сильная Берлинская группировка Вермахта уже безнадежно доживала свои последние дни в практически окруженной и в агонии сражающейся столице Третьего рейха и ее окрестностях. На остальной территории Германии и оккупированных стран остались лишь разрозненные части немецкой армии, в действительности пребывающие уже вне подчинения германскому командованию, главной целью для большинства которых стало лишь самосохранение всеми возможными способами. Причем основной целью войск, сражающихся на Восточном фронте, стало избежание советского плена, именно из-за этого чаще всего части Красной Армии до самых последних часов войны, и даже после ее окончания, сталкивались с ожесточенным сопротивлением немецких солдат, которые, на другой стороне охотно и во многих случаях без боя сдавались западным союзникам.

Численность личного состава германской и союзных ей армий в Протекторате Богемия и Моравия и на прилегающих к нему оставшихся территориях рейха в апреле 1945 года составляла, по самым скромным подсчетам, еще около одного миллиона человек со всем возможным тяжелым вооружением, включая танковые части и военную авиацию. Костяк этих сил составляла почти девятисоттысячная германская группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала Фердинанда Шернера, которому удалось организованно отступить со своими войсками в Протекторат, а теперь так же успешно сдерживать на его границах наступление советских армий с востока. Шернер, не являвшийся ни членом СС, ни партийным функционером НСДАП, в отличие от многих представителей генералитета германской регулярной армии сохранил свою лояльность режиму и веру в Адольфа Гитлера лично до

---

<sup>24</sup> Также немецкие войска под командованием маршала авиации Альберта Кессельринга еще находились и на достаточно большой, примыкающей к Австрии зоне в Северной Италии, но это официально было самостоятельное, хотя и полностью зависимое от Германии государство – Итальянская Социалистическая республика, просуществовавшая с 1943 до 1945 года. О капитуляции войск в Италии маршал Кессельринг впоследствии договорился с западными союзниками еще до подписания официальной капитуляции вооруженных сил Германии.

самых последних дней Второй мировой войны в Европе<sup>25</sup>. Шернер несколько раз лично и в письмах просил Гитлера покинуть осажденный Берлин и перенести свой Главный штаб к его еще не пораженной и сильной армии. Например, его послание от двадцать третьего апреля 1945 года выглядело так: «...*В продолжение разговора, прошедшего сегодня ночью, ...прошу позволить мне, мой Фюрер, предложить Вам немедленно покинуть Берлин и принять на себя управление Империей и вооруженными силами с южного театра военных действий... Только Вы, мой Фюрер, являетесь олицетворением Германии, даже для наших врагов. С Вами падет и Германия. Миллионы немцев находятся в ожидании лишь того, чтобы могли с Вами, мой Фюрер, возродить Империю. Не все еще потеряно, все еще можно спасти, но единственно и только с Вами...*»

Подобное отношение к себе со стороны своих подданных вряд ли может даже приниться кому-либо из современных политиков... Но тем не менее Адольф Гитлер не изменил своего решения, а напротив, потребовал от Шернера, чтобы со своими войсками в кратчайшее время направился на помощь обороняющимся в столице Третьего рейха...

Но, являясь убежденным нацистом и поклонником своего фюрера, фельдмаршал Фердинанд Шернер был также реалистом и трезвомыслящим военачальником, поэтому идти на верную смерть в Берлин он не собирался.

Шернер пытался убедить Гитлера перенести свой главный штаб к его группе армии «Центр», назначить его, Шернера, главнокомандующим сухопутными войсками Германии, закрепиться на еще не сильно затронутой боями и удобной для эффективной обороны территории Протектората, а потом, по возможности, уговорить фюрера начать переговоры о заключении сепаратного мира с Западом.

Фельдмаршал был явно лучшим военным, чем политиком и экономистом, иначе бы он понимал, что уж с кем-кем, а лично с Адольфом Гитлером союзники разговаривать точно не будут, а даже функционирующая промышленность и инфраструктура в Протекторате все равно не сможет долго работать без сырья и топлива, которого здесь просто не было...

Явно с согласия Шернера, как наивысшего военного представителя в Протекторате, в конце апреля 1945 года о заключении сепаратного мира с западными союзниками пытался договориться и имперский министр Протектората Богемия и Моравия обергруппенфюрер СС Карл-Герман Франк<sup>26</sup> – на тот момент фактически наивысший представитель германской власти в Протекторате. В то время, когда конец Третьего рейха уже был очевиден даже для самых фанатичных его сторонников, попытки переговоров главным образом, естественно, с Западом пытались более или менее успешно проводить практически все, кто что-то значил в рейхе, иногда это происходило даже с согласия самого Гитлера. Не было исключением и Франк, старания которого были заранее оговорены с министром промышленности рейха Альбертом Шпеером и министром иностранных дел Йоахимом фон Риббентропом, у Гитлера, в свою очередь, слово замолвили они. В плане было использовать для переговоров через американские контакты маршала Кессельринга представителей чешского протекторатного правительства, как чехов, так и немцев, чешских и немецких промышленников с территории Протектората, а также, видимо в качестве представителя вооруженных сил, чешского генерала Франтишка Клецанду. По этому поводу фон Риббентроп писал: «...*по инициативе имперского министра Шпеера, я предложил Фюреру позволить известным чешским промышленникам лететь во Францию, чтобы там через свои американские контакты вели переговоры об охране Чехословакии перед большевиками. Фюрер дал свое согласие*»<sup>27</sup>. Пер-

---

<sup>25</sup> Это свое мнение бывший немецкий фельдмаршал, судя по всему, так и не изменил и после войны, и после советского плена, в котором пробыл 10 лет. (также см. «Личности»).

<sup>26</sup> См. «Личности».

<sup>27</sup> Кстати, также крайне удивительный шаг Гитлера в отношении Протектората, так как везде, включая занимаемую и западным и восточным противником территорию самой Германии, фюрер приказывал жестко соблюдать политику

вая программа, предлагаемая К. Г. Франком союзникам, была, по доступным документам, примерно следующего содержания: власть переходит к чешскому правительству, промышленность будет и далее работать на благо империи, взаимное сожительство чехов и немцев будет законодательно закреплено на основе полного равноправия обоих народов, на Восточном фронте будет продолжен бой против Красной Армии, дальнейшие подробности будут уточнены при визите англо-американской делегации в Прагу – то есть в ней не было практически ничего, что могло бы хотя бы в принципе заинтересовать западных союзников. Тем не менее ничего из этого даже не дошло до планируемых адресатов, так как миссия отправленной из Протектората делегации потерпела полное фиаско, встречи с кем-либо из представителей Запада по ряду причин так и не состоялись.

Франк, замечая ухудшающуюся ситуацию на фронтах, сделал еще две попытки установления контакта с Западом – через представителей Красного Креста<sup>28</sup>, а потом церкви – обе также не увенчались успехом.

В конце апреля 1945 года стало ясно, что ситуацию и в Протекторате Богемия и Моравия немцам уже не удастся долго удержать под контролем, в переписке официальных лиц появились даже решения «об эвакуации немецких женщин и детей», только вот никто и нигде уже не уточнял к у д а .....

## Прага

На уникальных кадрах кинохроники, отснятых в Праге кинооператором по фамилии Чепелак, видимо первого или второго мая 1945 года<sup>29</sup>, представляется шокирующая для непосвященной публики картина: кроме военнослужащих в немецкой униформе на улицах и пары кадров, на которых мельком появляется вход в бомбоубежище, никаких признаков проходящей свою завершающую фазу в Европе Второй мировой войны в городе вообще не видно, и даже эти самые военнослужащие абсолютно все не вооружены! В парках спокойно прогуливаются люди с колясками и собаками, по водной глади реки Влтавы скользят лодочки, дети на берегу кормят лебедей, по улицам спокойно перемещаются люди, автомобили, автобусы и трамваи, открыты рестораны и кинотеатры, в городе не видно никаких следов разрушений, протекает нормальная, ничем не нарушенная мирная жизнь... готовая идиллия. Все выглядит точно так же, как на кадрах кинохроники из Германии 1939 или 1940 года, достаточно точную дату съемки можно понять лишь из того, что граждане на этой киноленте с интересом изучают газетные статьи с главной новостью дня – сообщением о смерти фюрера, «героически павшего при обороне Берлина», а это, как мы знаем, произошло тридцатого апреля 1945 года, а уже четвертого мая подобную идиллию в Праге было бы увидеть невозможно. Причем это явно не последний пропагандистский трюк нацистского режима – отснять подобный материал в любом крупном немецком городе в 1945 году было бы просто нереально, даже с использованием массовок и ретуши...

Абсолютно не поддающаяся пониманию, почти сюрреалистическая картина полного порядка и спокойствия на фоне того, что в это же время практически вся Европа от пролива

---

«выжженной земли».

<sup>28</sup> В этом письме представителям Международного Красного Креста Франк впервые официально предложил объявить Прагу «лазаретным городом», что, видимо, по его мнению, должно было бы спасти чешскую столицу от боев, хотя данного термина в качестве официального в международной юриспруденции не существовало. Например, Рим и Париж были объявлены «открытыми городами», где обе стороны конфликта не инициировали боевых действий, а таким образом были спасены центры мировой культуры. Но открыто объявлять Прагу «свободным городом» Франк, видимо, не решался, боясь гнева Гитлера, который хотел, наоборот, создать «крепость Прага»...

<sup>29</sup> Два отрывка из данной хроники можно свободно увидеть на канале YOU TUBE под названием *Praha 1945 – těsně před květnovým povstáním*.

Ла-Манш и до окраин Москвы лежит в дымящихся руинах, включая немецкую столицу Берлин, в котором недавно «пал при его обороне фюрер», недалекий Дрезден и два крупнейших после Праги чешских города – Брно и Оставу.

Непосредственно один-два дня перед началом восстания жизнь в Праге ничем не напоминает ни войну, ни даже чем-либо ограниченный оккупационный режим – люди явно не обращают никакого внимания на безоружных военнослужащих в немецкой или венгерской форме, причем в полевой форме или экипировке в городе нет никого, все военные выглядят как в глубоком тылу, нигде не видно ни малейших признаков какой-либо нервозности, люди с большим интересом, но явно без эйфории или, наоборот, расстроенных чувств читают сообщение о смерти Гитлера (так, как будто их это и не очень касается), движением на улице деловито руководит чешский полицейский в мундире и с кобурой на боку, при этом он даже делает какое-то замечание водителю немецкого военного автомобиля. Все свободно и раскованно просто гуляют или спешат по своим делам, в городе не присутствует ни малейшего признака каких-либо волнений или хотя бы напряженности.

Тем не менее в это время в чешской столице находится соответствующий величине и значению города немецкий гарнизон<sup>30</sup>, а главное, огромное количество раненых и больных военнослужащих в многочисленных госпиталях, а также десятки тысяч беженцев с уже оккупированных территорий Третьего рейха, которым просто некуда дальше идти...

---

<sup>30</sup> Подробнее далее в главе «Расстановка сил».

## 5. РОА. Из Мюнсингена на Восточный фронт

Изначально обдумывая содержание этой книги, одной из главных тем которой является, среди прочего, и участие Первой дивизии Русской Освободительной армии в Пражском восстании 1945 года, я совсем не предполагал вставлять в нее и описание боев власовцев против Красной Армии на Одерском фронте, так как, во-первых, это не имело прямого отношения к самому восстанию и роли, сыгранной в нем РОА, а во-вторых, об этом коротком эпизоде истории Второй мировой войны написано уже, наверное, сотни раз, как во многих работах о РОА вообще, так и о первом и единственном ее сражении с Красной Армией отдельно. Результат всем известен – неудачная попытка контратакой силами «русской дивизии Вермахта» ликвидировать занятый советскими войсками плацдарм на западном берегу реки Одер южнее города Франкфурт-на-Одере, и ее (этой самой «русской дивизии») последующий самовольный отход с передовой линии фронта. Причем, как обычно по данной тематике, рецензии можно найти от хвалебных, описывающих беспримерный героизм и высочайшие боевые способности власовских солдат и офицеров, а также недостаточную подготовку операции и слабую помощь (ба, чуть ли не предательство...) со стороны неблагодарных немцев, до уже привычных и стандартных фраз как еще советской, так и неопатриотической российской пропаганды о позоре предателям Родины, подлым трусам и изменникам, которые, естественно, как бы ни извращались в своих стараниях услужить врагам Отечества, не имели ни малейших шансов на успех против доблестной, отважной и непобедимой Красной Армии. И если сторонники первой версии (часто также в разной форме содержащейся и в воспоминаниях самих бывших членов РОА) стараются хотя бы какими-то фактами доказать свое мнение, то вторые, по обыкновению, обычно просто ограничиваются заученными шаблонами и лозунгами о трусах и предателях, не утруждаясь даже минимальным анализом исторического материала.

Тем не менее хотя подробности данной акции вроде бы и описаны многократно, взвешенного и не отягощенного политическими взглядами материала крайне мало. А конкретно в русскоязычных изданиях, по-моему, явно не хватает четко осмысленного взгляда на действия в этой ситуации войск Русской Освободительной армии с очень важной третьей участвующей стороны – немецкой. Чисто случайно, при сборе материала, мне в руки попал крайне занимательный документ, о существовании и доступности которого я ранее даже не догадывался, так как в огромном ворохе перелопаченных мной всяческих публикаций по теме РОА я никогда не видел (или, каюсь, может быть, и просто не заметил...) отчетливой ссылки или конкретного упоминания о нем – это обработанные (после войны самим же автором) записи из дневника немца – майора Гельмута Швеннингера, являвшегося официальным связным офицером Вермахта в Первой дивизии РОА, при которой он со своим небольшим штабом постоянно находился, начиная с момента ее отправки из тренировочного лагеря полигона Мюнсинген на фронт и до самого горького конца – то есть до неуспешной попытки сдачи в американский плен на территории Чехии. Записи в дневнике, таким образом, достаточно подробно охватывают период с шестого марта до четырнадцатого мая 1945 года и содержат не только хронологическое отражение всех важных событий этого времени, но и комментарии к ним как самого Швеннингера, так и различные мнения и реакции на действия РОА со стороны именно германского командования.

Непосредственно во время самого Пражского восстания и участия в нем Первой дивизии РОА на стороне мятежных чехов майор Швеннингер и его люди были обезоружены и корректно, по всем воинским правилам, «интернированы» при штабе части, так как боевые действия в тот момент были начаты и велись именно против представляемой ими армии; свобода и личное оружие им были также корректно возвращены после окончания боев и отхода

власовских частей из чешской столицы. Так что из данного источника почерпнуть какие-либо информации о самом ходе восстания невозможно, зато он предоставляет достаточно интересный материал о событиях, прямо предшествующих выступлению Первой дивизии РОА на стороне чешских повстанцев. А именно в это время можно посмотреть на первые реальные и уже самостоятельные действия дивизии, ее командования и личного состава и на основании этого проанализировать ее настоящие возможности и слабые стороны, а также причины, толкнувшие генерала Буняченко принять со своими людьми участие в боях в Праге. Также немаловажным фактом является и то, что именно в этот период между выходом дивизии из Мюнсингена до прибытия на окраины Праги численность ее личного состава как бы сама собой увеличилась почти что в два раза. Хотя вряд ли это положительно сказалось на качестве, скорее прямо наоборот.

Следующий текст данной короткой главы, как и следующей по порядку, практически полностью основан на записях из дневника майора Вермахта Гельмута Швеннингера. Забегая несколько вперед, надо заметить, что именно в немецких источниках я, как правило, обнаруживал самые адекватные и непредвзятые информации о так называемой Русской Освободительной армии, как и самый беспристрастный анализ ее становления, существования и деятельности. А также, к удивлению моему, и, наверное, самое лучшее понимание реальной ситуации, в которую попали эти люди, и полное отсутствие каких-либо претензий и обвинений в адрес Русской Освободительной армии и ее командования после всего происшедшего.

\* \* \*

Судя по всему, уже в начале 1945 года основным планом генерала Андрея Андреевича Власова являлось создать и собрать воедино как можно большее количество войск под эгидой Комитета по освобождению народов России (сокращенно КОНР) и сразу же после поражения Германии (или даже еще до него) начать переговоры с западными союзниками на антикоммунистической платформе и с солидной реальной силой РОА за спиной в качестве веского аргумента. Как и многие тогда в Германии, Власов был твердо убежден в том, что принципиально «нездоровый» и даже антагонистический союз между «буржуазными» западными демократиями и жестокой коммунистической диктатурой в СССР является чисто военным, временно необходимым для достижения определенной конкретной цели явлением, а ни в коем случае не политическим и стабильным, и что его конец настанет неминуемо, как самое позднее, одновременно с разгромом общего противника – гитлеровской Германии, в качестве военной силы. Сразу же после этого, по ожиданию многих немцев и их союзников, должен бы был разгореться новый конфликт между Востоком и Западом, капитализмом и коммунизмом, при котором Западу наверняка снова понадобятся опытные боевые формирования<sup>31</sup>. Поэтому все руководство КОНР, лично генерал Власов и командир его Первой дивизии генерал Сергей Кузьмич Буняченко (см. «Личности»), естественно, в сложившейся ситуации пытались сохранить с таким трудом созданные ими войска и всеми возможными способами избежать или хотя бы максимально оттянуть по времени вывод уже организованных частей Русской Освободительной армии на фронтовую линию. А так как для осуществления официально декларированной цели власовского движения – то есть освобождения России от коммунистического режима и сталинской диктатуры – Западный

---

<sup>31</sup> Надо заметить, что все эти ожидания были недалеки от правды. Вопрос о возможном военном конфликте СССР и Запада уже серьезно обсуждался даже в военно-политических кругах на обеих сторонах, возникали даже определенные предпосылки, но... конец Третьего рейха пришел слишком быстро, чтобы дать этим надеждам воплотиться в жизнь. Тем не менее вера именно в это привела к ошибочным действиям и решениям в период апреля – мая 1945 года очень многих, часть чешских повстанцев и войска генерала Власова не являлись исключением.

фронт со всех сторон как-то не очень подходил, куда может быть послана немецким командованием 600-я пехотная дивизия, генералу Буняченко было, конечно, ясно, а также чем это может для нее закончиться в случае неудачи и захвата власовцев в советский плен; иллюзий о последствиях такого «возвращения на Родину» никто не строил. К началу марта 1945 года уже практически полностью была также сформирована, но еще не вооружена и Вторая дивизия РОА (650-я пехотная дивизия Вермахта), а также создан штаб, собран офицерский состав и начато формирование 3-й русской дивизии. Приказ о передислокации 600-й пехотной дивизии Вермахта на Восточный фронт был выдан командованием немецких вооруженных сил первого марта 1945 года. При всем своем нежелании его выполнять у власовцев фактически не было выбора – в случае саботирования ими данного приказа или открытого неподчинения о вооружении Второй и формировании Третьей дивизии РОА можно было бы сразу забыть, как и о планированном объединении разбросанных по всем фронтам различных «восточных» частей в единую и сильную боевую группу.

По предварительной договоренности с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, который тогда по совместительству (и по собственному же самому себя назначению) являлся и главнокомандующим группой армий «Висла» (Heeresgruppe «Weichsel») <sup>32</sup>, защищающей с востока подступы к столице Германии, было принято решение о том, что первое боевое использование войск Власова будет также понято как пропагандистская акция для показа способностей новой *НЕ*коммунистической русской армии потенциальным новобранцам и политикам на обеих сторонах линии фронта. То есть первый бой РОА, исходя из этого, должен был быть обязательно успешным и победоносным. Достигнуть этого планировалось так, что в удобный момент на ослабленном со стороны противника участке фронта, при мощной поддержке немецкой авиации и артиллерии, власовские войска будут брошены в локальный контрудар и быстро достигнут установленной тактической цели. Но это все исходило, конечно же, из области сладких обещаний Гиммлера и радужных надежд Власова, совсем другой вопрос был, где и как весной 1945 года, при сложившейся ситуации постоянных поражений и отступлений непонятно каким чудом из последних сил еще державшихся немецких войск, найти «ослабленный на стороне противника» участок Восточного фронта, где на Берлинском направлении общий перевес сил Красной Армии над германским Вермахтом (как раз группы армий «Висла») был уже чуть ли не десятикратным, и провести «безоговорочно успешную наступательную операцию» силами РОА???

После слабых попыток протестов 6 марта 1945 года, выполняя приказ командования, 600-я пехотная дивизия Вермахта (русская) все-таки начала постепенно выдвигаться на марш из учебно-тренировочного лагеря в городке Мюнсинген на юго-западе Германии. Установленной целью передислокации являлся новый тренировочный лагерь на полигоне Лиеберозе, находившийся на расстоянии около 700 километров от изначального расположения части, между городами Франкфурт-на-Одере с севера и Коттбус с юга, в непосредственной близости передовой линии Восточного фронта. Первый, двухсоткилометровый участок пути от Мюнсингена до Нюрнберга большинство частей дивизии должно было преодолеть пешим маршем, потом по железной дороге до места назначения.

Поход проходил, с военной точки зрения, нормально. Части проходили каждый день от двадцати пяти до сорока километров. После четырех-шести дней передвижения было дано один-два дня отдыха. Дисциплина на дорогах была удовлетворительная, установленные маршруты соблюдались, промежуточные цели всегда достигались своевременно и по плану. Коммуникация русского командного состава с немецким связным штабом на доста-

---

<sup>32</sup> Но так как полководческие способности главного эсэсовца Германии сильно оставляли желать лучшего, в действительности группой армий уже тогда командовал его первый заместитель – генерал-полковник Готтхард Хейнрици; с 13 марта 1945 года он стал официальным командующим группой армий «Висла», а уставший и перегруженный множеством самым собой же на себя возложенных постов и должностей Гиммлер тихо отошел от дел по руководству войсками.

точном уровне. Хоть чисто по-военному поход и проходил нормально, возникали другие неприятности, которые можно отнести к политической стороне целого мероприятия. Если до этого дивизия находилась под надзором и была размещена на закрытой территории военного полигона, то сейчас расквартировываться приходилось прямо среди или прямо у местных людей и, таким образом, русские военнослужащие германской армии все чаще вступали в прямой контакт с немецким гражданским населением. На фоне общей ситуации на фронтах и постоянно усиливавшимися в последнее время антинемецкими настроениями среди личного состава РОА это был далеко не самый безопасный эксперимент. Тем не менее можно с уверенностью констатировать, что он удался – главным образом за счет разумного отношения немецкого населения, которое как германскими военными, так и партийными органами НСДАП<sup>33</sup> на местах следования войск было заранее предупреждено об особенностях целой акции, а также, в немалой степени, и благодаря положительному влиянию русских офицеров на своих подчиненных. Естественно, то тут, то там происходили различные инциденты, но их размеры и количество не превышали привычные рамки при подобном передвижении и у немецких солдат. Также надо отметить, что на русских военнослужащих в форме германского Вермахта произвел очень сильное психологическое впечатление радушный прием со стороны обычного немецкого населения, к ним относились совершенно однозначно как к себе равным, а не как к «подлюдям» или «недочеловекам». Это сильно подняло у власовцев уважение к обычным немцам, но, с другой стороны, все глубже становилась и антипатия к самому гитлеровскому режиму и его пропаганде, создавшей подобные образы.

Кроме того, что предусмотрели заранее и чего постарались избежать соответствующей подготовкой на обеих сторонах (командование РОА и местные власти), передвижение власовской дивизии по территории Германии создало еще одну неожиданную проблему скорее политического и организационного, чем военного характера – вместо вполне ожидаемых случаев дезертирства (хотя и это явление имело место, но в единичных случаях) проходящие русские части сами, наоборот, стали сильнейшим «магнитом» для всякого рода «земляков», по разным причинам находившихся на пути следования. К дивизии постоянно приходили все новые и новые люди из самых различных мест – это были как мужчины, так и женщины из числа восточных рабочих, вспомогательных частей Вермахта и даже просто сбежавшие из лагерей военнопленных. Общее количество этих людей доходило иногда даже до сотен в день (по немецкой информации), и практически все они продолжали движение далее вместе с дивизией РОА. Власовское командование никого не выгоняло, и, чтобы хоть как-то легализовать весь этот спонтанно возникший процесс, было решено прямо в походе расширять количество «резервного полка», причем вновь прибывшим даже по возможности выдавалось и стандартное обмундирование из имевшихся запасов. Небольшой координационно-связной штаб из представителей Вермахта при дивизии был не в состоянии никак остановить это, так что практически не оставалось делать ничего иного, кроме как «прикрыть глаза» и делать вид, что ничего особенного не происходит. Но, с другой стороны, таким образом эти самые «вновь прибывшие кадры» часто приносили с собой в уже достаточно хорошо отлаженный и организованный ритм жизни воинской части беспорядок и снижение дисциплины. По мере увеличения количества таких «прибывшихся» к части людей увеличивалось как число дисциплинарных нарушений среди личного состава, так и конфликтов с местным населением и германскими правоохранительными органами.

Тем не менее, несмотря на все неувязки, случавшиеся по дороге, погрузка 600-й пехотной дивизии Вермахта или Первой дивизии РОА в вагоны для железнодорожной перевозки началась также по плану, утром двадцатого марта 1945 года. В то время, как передовые части русской дивизии уже расквартировывались в конечном пункте назначения двадцать второго

---

<sup>33</sup> NSDAP (Nazional Sozialistische Deutsche Arbeits Partei) – Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

марта, последние были погружены двадцать четвертого и прибыли в Лиеберозе двадцать шестого марта 1945 года. Командир дивизии генерал Буняченко был приятно удивлен четкостью работы немецкого железнодорожного транспорта даже в условиях постоянных бомбежек, нехватки вагонов и локомотивов и при многократно разбитых путях, поврежденных мостах, вокзалах, развязках и т. д. Даже в этой тяжелой для страны конечной стадии военного конфликта хаос в Германии отсутствовал.

Первые дни в месте новой дислокации личный состав был занят контролем техники и вооружения, снова активно началась военная подготовка, в связи с ожидаемым скорым выходом на линию фронта. В дивизию было также в качестве новых добровольцев официально зачислено более тысячи человек из числа тех, кого «подобрали» по дороге<sup>34</sup>. При контактах с командованием 9-й германской армии, в зоне ответственности которой теперь находилась Первая дивизия РОА, русским войскам был формально присвоен статус «союзника» (Verbündeten Status), что опять же произвело крайне положительное впечатление на командование дивизии. С точки зрения Швеннингера, это явно имело сильное влияние на генерала Буняченко, который таким образом чувствовал гораздо большую ответственность, чем в случае простого выполнения приказов немецкого командования в качестве «винтика» в системе Вермахта<sup>35</sup>.

На вопрос генерал-полковника Хейнрици о боевых качествах и надежности 600-й дивизии майор Швеннингер после общего описания своего, в целом положительного впечатления об этой части констатировал, что «...на дивизию в качестве, безусловно, надежной боевой единицы можно рассчитывать так долго, пока будет существовать реальная возможность исполнения их (власовцев. – Прим. авт.) целей, то есть боя против советской системы с надеждой на успех. Важным условием для достижения успеха в этом смысле являлось создание новых русских частей, как и было планировано». Также он подчеркнул, что, по его мнению «...сама по себе эта дивизия (то есть без подключения и остальных власовских соединений<sup>36</sup>) при попадании в безвыходную ситуацию не готова сражаться аж до горького конца...» Генерал-полковник Хейнрици воспринял эту информацию крайне серьезно и, посоветовавшись со своим начальником штаба генералом Кинцелем, посчитал необходимым ознакомить с данным мнением и Гиммлера. Но в штабе рейхсфюрера СС, которого не было на месте, обеспокоенным представителям Вермахта сообщили, что «...никакая такая «безвыходная ситуация» ни в коем случае настать не может...», и на этом обсуждение вопроса было закрыто.

Тем временем в 9-й армии проходила активная подготовка к выводу дивизии РОА на передовую. Самым трудным было, естественно, найти такой участок фронта и такую боевую задачу, которую дивизия могла бы успешно выполнить, а данный успех потом использовать в целях пропаганды; и все это при том, что именно в это же время советские войска на восточном берегу Одера как раз сосредотачивали все свои самые мощные ударные группировки для начала нового генерального наступления на Берлин. После внимательного изучения общей

---

<sup>34</sup> Совершенно ясно, что никто и никак их уже не проверял, да и по всем своим качествам они вряд ли могли сравниться с теми, кто прошел полную подготовку на полигоне Мюнсинген.

<sup>35</sup> Хотя все-таки достаточно странно, как официальная воинская часть, находящаяся в составе и на довольствии германских регулярных вооруженных сил, т. е. дивизия Вермахта, может одновременно иметь некий «статус союзника».

<sup>36</sup> Эти остальные власовские соединения, прямо по-немецки «Wlassow-Verband» – тяжело с определенностью сказать, какие именно «остальные силы Власова» имел тогда в виду Швеннингер: Вторая дивизия РОА еще практически не имела оружия, Третья находилась в самом зародыше своей организации, остальные «восточные формирования», даже формально уже как бы являвшиеся частями армии Власова, были фрагментированы и разбросаны по всем фронтам и целой еще оставшейся территории Третьего рейха, без фактического подчинения КОНР. Скорее всего это была осторожная попытка предложить немецкому командованию все-таки подождать с отправкой Первой дивизии РОА на передовую, пока не организуются более сильные и многочисленные совокупные русские соединения, имеющие реальную силу и возможности для достижения какой-либо весомой цели на линии фронта – это пожелание и взгляд на вещи, который отстаивали прежде всего сами власовцы.

ситуации как возможная и более-менее реальная цель германским командованием был установлен советский плацдарм «Эрленхоф», находившийся у одноименного хутора чуть южнее города Франкфурт-на-Одере, где, по немецким данным, Красная Армия располагала силами от одного до двух полков, сильно окопавшихся и укрепившихся на западном берегу Одера, куда также, по возможности, через реку хоть и понемногу, но постоянно прибывали советские подкрепления. Тактической целью прибывшей 600-й дивизии должна была стать ликвидация данного плацдарма. Дата проведения операции была установлена на тринадцатое апреля 1945 года. В задачу Первой дивизии РОА входило следующее: рано утром атаковать советские позиции силами двух своих полков с поддержкой инженерного батальона и всех десяти имевшихся в наличии танков Т-34, огневую поддержку обеспечивала собственная артиллерия дивизии. С немецкой стороны должна была быть также предоставлена огневая поддержка всей доступной на данном участке фронта артиллерией Вермахта плюс, по возможности, в момент начала штурма налет на позиции Красной Армии в данном квадрате нескольких пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» – «Штука».

В назначенное время 600-я пехотная дивизия Вермахта (русская) пошла в атаку на установленном участке фронта. С немецкой стороны была действительно предоставлена вся возможная обещанная помощь, кроме атаки с воздуха, что в данной фазе боевых действий и в свете тогдашних возможностей германских военно-воздушных сил – «Люфтваффе» – было, в общем, вполне ожидаемо.

По вышеуказанным уже причинам как-либо подробно описывать ход этого боя я не буду. Сама атака на советские позиции длилась около трех часов, в ходе которых власовцами были захвачены некоторые передовые позиции и отбиты у Красной Армии несколько опорных точек. После чего наступление в целом захлебнулось, и все участвовавшие в нем силы отозваны на исходные рубежи.

Глядя правде в глаза, нельзя сказать, что действительной причиной провала данного локального контрудара была трусость солдат Русской Освободительной армии и непрофессионализм ее офицеров, или плохая помощь со стороны немецких вооруженных сил, или, например, как я кое-где читал, именно тот факт, что советское командование вроде как заранее знало, кто пойдет на них в атаку, и, опять же с чисто политической точки зрения, ни в коем случае не могло допустить успеха власовцев и приняло для этого все доступные и недоступные меры по усилению обороны именно одерского плацдарма «Эрленхоф»... Возможно, как дополнительный факт и это тоже имело свое место, но вряд ли сыграло решающую роль – исходя из подобных рассуждений, можно подумать, что если бы там в наступление вдруг пошли немцы, так их бы приняли с распростертыми объятиями, забросали цветами и напоили русской водкой... Причин этого неуспеха было, на самом деле множество. И это были все те же самые причины, по которым в середине апреля 1945 года были уже так же неуспешными вообще все вооруженные силы Третьего рейха и на всех фронтах, включая все самые сильные и элитные формирования германской армии. А 600-я пехотная дивизия Вермахта была лишь одной из огромного количества терпевших тогда поражение за поражением немецких частей, и нет в этом больше никакой специальной причины, о которой можно было бы утверждать, что именно она и обусловила неудачу в первом и единственном сражении Первой дивизии РОА с Красной Армией. Эта воинская часть находилась на той стороне конфликта, которой побеждать уже просто не было суждено сложившимися стратегическими условиями и исторической реальностью.

Причем данную точку зрения разделяло и немецкое командование, и то сразу же после неудачной атаки власовцев на советский плацдарм. С немецкой стороны в адрес русской дивизии Вермахта не прозвучало никакой критики или упреков конкретно за провал данной операции, в отличие от тех действий генерала Буняченко и Первой дивизии РОА, которые последовали после всего этого. Из всех событий, происшедших тринадцатого апреля 1945

года на поле боя у одерского плацдарма «Эрленхоф», немцы сделали для себя три на удивление положительных вывода: во-первых, солдаты Русской Освободительной армии доказали всем, что под командованием своих офицеров готовы идти в бой и при необходимости проливать кровь как свою, так и таких же русских, как и они сами, но сражающихся на стороне противника; во-вторых, при действиях дивизии РОА не было допущено никаких грубых тактических ошибок или нарушений, вследствие недостаточной подготовленности или плохой выучки, то есть во время рассматриваемых здесь боевых действий не случилось ничего, что бы могло свидетельствовать об общей неправильности концепции создания и тренировки данной части; в-третьих, по всем немецким же оценкам, русская дивизия Вермахта вела себя ничем не лучше, но и явно ничем не хуже, чем если бы на ее месте находилась любая другая подобная воинская часть с немецким личным составом. Кроме того, и это является лишь подтверждением вышесказанного, примерно за две недели до атаки силами РОА этот же советский плацдарм так же безуспешно пытались штурмовать и сами немцы, разница заключалась лишь в том, что за прошедшее время, к тринадцатому апреля, красноармейцы явно не теряли времени даром, и их позиции были еще более сильно укреплены, а количество сил значительно увеличено. Плацдарм «Эрленхоф» являлся одной из важнейших передовых позиций на ключевом направлении будущего генерального наступления советских войск на Берлин, и сдавать его противнику точно никто не собирался... ни немцам, ни власовцам, ни кому угодно другому, а уж сил и средств для этого у Красной Армии в апреле сорок пятого было более чем достаточно. Не стоит забывать и о всеобщем стратегическом балансе того периода, при котором в апреле 1945 года у армии Советского Союза было уже достаточно сил и средств для того, чтобы успешно отбить вообще любое наступление любой армии мира и на любом направлении... Для немецкой же стороны конфликта уже было слишком поздно что-либо предпринимать, и экспериментировать с созданием РОА в частности.

Тем не менее, что же из этого всего важно для нас в контексте рассматриваемых здесь событий? То, что, по мнению немецкого командования, акция 600-й пехотной дивизии Вермахта (или Первой дивизии Русской Освободительной армии) на Одерском фронте в очередной раз подтвердила тот факт, что данная часть являлась в общем и целом боеспособной на уровне не ниже соответствующих частей регулярной германской армии.

## 6. РОА. Восточный фронт – Прага

Еще до непосредственного участия Первой дивизии РОА в боях на фронтовой линии командование Русской Освободительной армии и КОНР искало любые возможные способы спасения своей с таким трудом наконец созданной армии. Сергей Кузьмич Буняченко, которого это касалось в тот момент более чем всех остальных, активно интересовался общей ситуацией на фронтах, а то, что он узнавал, явно не поднимало ему настроения. Со дня на день ожидалось начало нового советского наступления, прямо в том направлении, где как раз находилась его Первая дивизия. В то, что германская армия удержит фронтовую линию, не верил уже никто, даже сами немцы. Для Первой дивизии РОА это означало одно – она неизбежно попадет в руки Советов, в глазах которых весь личный состав являлся предателями Родины, изменниками и врагами народа первой степени, со всеми вытекающими из этого последствиями. По различным, часто взаимопротиворечащим источникам, одним из планов Власова было собрать воедино все силы РОА на чешской территории (как одно из возможных мест указывается город Хеб, по-немецки Эгер, где тогда находилась большая часть военно-воздушных сил КОНР), а оттуда начать переговоры с Западом, другим – возможно, направиться в район стыка границ Чехии, Австрии и Германии, то есть туда, где находилась (скорее должна была бы находиться) дорога в пресловутую «Альпийскую крепость», то есть оба возможных пути изначально вели на территорию Протектората Богемия и Моравия, который тогда к тому же и являлся единственной все еще действительно тыловой зоной рейха. Именно стремлением к выполнению какого-то подобного плана любой ценой, наверное, можно объяснить поведение генерала Буняченко после боя на плацдарме «Эрленхоф».

По окончании неудачной атаки на советские позиции участвовавшие в ней силы Первой дивизии РОА начали отход с передовой линии. Именно в этом месте в различных публикациях встречаются красочные описания того, как «предатели-власовцы побежали с поля боя, побросав все и оголив вверенный им участок фронта, в страхе попасть в плен Красной Армии, в очередной раз предавая, только теперь уже немцев»... или что-то подобное в различных вариациях на тему. Но это неправда, и кому как не самим немцам это знать. Два власовских пехотных полка и все остальные силы отходили с передовой организованно и в полном соответствии с заранее установленным на этот случай планом, да и бежать-то им было не от кого – контратаки с советской стороны не последовало, так что солдат РОА никто, собственно, и не преследовал. А свои действия, уже не согласованные с германским командованием, Сергей Кузьмич Буняченко начал предпринимать лишь несколько позднее. На передовой, точнее недалеко за ней, должна была остаться для прикрытия артиллерия РОА и несколько вспомогательных частей общей численностью в размере одного неполного полка, а большая часть дивизии отходила обратно в тыл. Тем не менее через связного офицера, майора Швеннингера, генерал Буняченко попросил у командования немецкой 9-й армии две вещи: первое – разрешение на отход с занимаемых позиций всех своих сил, включая артиллерию и части прикрытия, второе – в сложившейся общей ситуации и взглядом к специфике личного состава дивизии, официальный приказ (именно приказ, не разрешение!) к выдвигению части в полном составе в южном направлении. Как я уже говорил ранее, немцы, видимо, как никто другой понимали всю опасность положения 600-й пехотной дивизии, и разрешение на отход своих войск, как и официальный приказ к передвижению на юг, в направлении сосредоточения основной массы войск группы армий «Центр», Буняченко от германского командования **п о л у ч и л**, соответственно, со всеми необходимыми сопроводительными документами для обеспечения всех своих частей с немецких складов

по пути следования<sup>37</sup>. Другое дело, что сам отход всех сил Первой дивизии Русской Освободительной армии с занимаемых позиций и тех, что еще должны были стоять на своих местах в полной боевой готовности, фактически начался еще *до получения* данного приказа от немцев, по личному распоряжению командира дивизии, что сам Буняченко потом объяснял своей уверенностью в здравом разуме командования немецких вооруженных сил. Как видно, в этом он как раз не ошибался. Соседние по фронту немецкие части власовцы, при своем отходе, также вовремя поставили в известность обо всем происходящем, чтобы те могли перестроить свою оборону в зависимости от ситуации. В это время русская дивизия все еще действительно являлась и 600-й пехотной дивизией Вермахта.

У генерала Буняченко и его Первой дивизии РОА уже, как говорится, «горела земля под ногами» – он понимал, что перемещение такого объема войск и даже сама реорганизация и составление их в походный порядок после прошедшего боя требует немалого времени, а его у русских в немецкой военной униформе как раз и не было, поэтому использовать старались каждый имеющийся в их распоряжении день и час. Все работали быстро и слаженно, приказы выполнялись четко – подгонять солдат не надо было, ситуация всем была ясна.

В соответствии с приказом штаба 9-й германской армии из группы армий «Висла» 600-я пехотная дивизия отправлялась в южном направлении на город Коттбус, чем, таким образом, переходила в подчинение группы армий «Центр» фельдмаршала Фердинанда Шернера. Утром четырнадцатого апреля 1945 года, в присутствии немецких связных офицеров, по дивизии был выдан приказ к походу в указанном направлении. Сразу же после объявления данного приказа личному составу генерал Буняченко вызвал к себе майора Швеннингера и попросил его еще раз подтвердить по своим каналам связи данный приказ германского командования. Это было сделано. Командира Первой дивизии РОА между тем больше всего интересовало, что должно последовать, когда его части по плану достигнут Коттбуса – маршрут движения проходил хоть и в желаемом южном направлении, но все еще прямо вдоль так небезопасной для власовцев линии фронта и в непосредственной ее близости, начнись вдруг советское генеральное наступление, и все они сразу же неминуемо оказались бы в смертельной ловушке, даже без возможности развернуться в боевые порядки, хотя и теоретическое наличие такой возможности вряд ли что-либо изменило бы. Четкого ответа на эти вопросы Швенninger русскому генералу дать был не в состоянии – командование 9-й армии не могло выдать ему инструкции, касающиеся действий дивизии после ее перехода под официальную юрисдикцию другой группы армий и, соответственно, другого штаба подчинения. Единственное, что он сообщил Буняченко, это свою личную твердую уверенность в дальнейшем продвижении на юг, так как при его дискуссиях в штабе группы армий «Висла», по его словам, немецкое командование выразило полное понимание специфики ситуации русской дивизии Вермахта.

Тем не менее в середине апреля 1945 года в штабе группы армий «Центр» еще царила несколько иная атмосфера, чем у ее северных соседей на Берлинском направлении. Здесь какие-либо пораженческие настроения и разговоры были строго запрещены лично командующим фельдмаршалом Фердинандом Шернером, общение все еще происходило в духе непоколебимой веры в «Endsieg» – окончательную победу Третьего рейха, и, соответственно, достижению данной высшей цели были подчинены и все проводимые здесь действия. Так

---

<sup>37</sup> Опять же неправдивыми являются и достаточно часто встречающиеся описания того, как власовцы, самовольно покинув линию фронта, сразу же начали, вопреки германским приказам, перемещение на юг, в тыл, грабя и опустошая по пути немецкие склады оружия, провианта и экипировки. Ничего подобного не происходило аж до начала мая, так как практически на всем пути следования на территорию современной Чехии командованию дивизии все еще удавалось получать легальные разрешения к получению довольствия с немецких военных складов. Подобный беспредел начался уже только в процессе приближения к Праге, когда дивизия полностью вышла не только из-под немецкого подчинения, но и не выполняла уже даже и решения командующего РОА генерала Власова, фактически уже встав на сторону чешских повстанцев.

что фельдмаршалу Шернеру с самого начала были не очень интересны различные душевные переживания личного состава так неожиданно «свалившейся на него прямо с неба» целой пехотной дивизии, он рассматривал ее исключительно как боевую единицу германских вооруженных сил, которая, по его твердому убеждению, должна была бы также и быть немедленно использована по своему прямому назначению, то есть на линии фронта, где Вермахту катастрофически не хватало сил.

Единственной серьезной ошибкой «простодушного» немецкого фельдмаршала было, видимо, то, что он как-то забыл спросить на все это разрешения у их превосходительств генералов Андрея Андреевича Власова и Сергея Кузьмича Буняченко, в планы которых как раз подобные мероприятия не очень вписывались.

Хотя в штабе группы армий «Висла» никто не мог давать распоряжения относительно дальнейших передвижений 600-й пехотной дивизии по территории, подконтрольной группе армий «Центр», сообщить южным соседям о передислокации данной части в их направлении были обязаны, что и сделали немедленно после отдачи приказа к выходу русской дивизии на марш. Штаб фельдмаршала Шернера отреагировал настолько молниеносно, что это удивило даже самого немецкого связного офицера при РОА майора Гельмута Швеннингера: примерно в 21.30 тринадцатого марта 1945 года решение о передвижении власовской дивизии на юг было принято и выданы соответствующие распоряжения в штабе 9-й армии группы армий «Висла», в 8.00 утра четырнадцатого апреля генерал Буняченко выдал своим частям приказ к походу в направлении на Коттбус, а уже в 14.00 того же четырнадцатого апреля, когда даже еще не все части Первой дивизии РОА выдвинулись с места расположения, мотоциклист-курьер уже привез в штаб Буняченко пакет, содержанием которого был приказ для 600-й пехотной дивизии Вермахта от командования группы армий «Центр» к немедленному занятию этой частью новых позиций, располагавшихся прямо за фронтом 275-й пехотной дивизии Вермахта, входящей также в группу армий фельдмаршала Шернера, а последняя держала фронт еще даже ближе, к точке отправления власовцев у плацдарма «Эрленхоф», чем изначально обозначенная цель похода – район города Коттбус.

Буняченко был разозлен и шокирован. Во-первых, никто в штабе Шернера явно не утруждался привилегированным общением с ним в качестве «союзника», к которому он уже успел привыкнуть в штабе 9-й армии, а просто выдали стандартный приказ на уровне обычного подчинения внутри немецкой армии (что вообще-то для статуса 600-й пехотной дивизии было вполне нормально), полностью игнорируя при этом главнокомандующего РОА генерала А. А. Власова, которому, в свою очередь, подчинялась Первая дивизия РОА, и все приказы в адрес которой со стороны немцев он должен был вроде как подтверждать (или, теоретически, и отменять...). Во-вторых, его дивизию снова ставили на линию фронта, от которой он как раз пытался максимально удалиться, и совсем еще недавно это начинание даже выглядело достаточно успешно. Со стороны немцев командир дивизии РОА посчитал это предательством, так как до этого был уверен, что обе стороны достигли взаимопонимания в вопросе о судьбе власовских частей, выход которых в данный момент и в данном составе на фронт вел бы к краху целой идеи построения Русской Освободительной армии.

Первой реакцией генерала Буняченко на полученный новый приказ было то, что он через майора Швеннингера сообщил немецкому командованию о своем решении сначала выполнить до конца предыдущее распоряжение к движению на Коттбус, которое было формально одобрено и главнокомандующим РОА, чем несколько привел в замешательство штаб как 275-й пехотной дивизии, через которую получил сообщение о своем новом расположении, так и непосредственно выдавший приказ вышестоящий штаб Пятого немецкого армейского корпуса, которому 275-я дивизия подчинялась – никто там, судя по всему, не имел ни малейшего представления о том, что 600-я пехотная дивизия Вермахта является одновременно еще и частью некой Русской Освободительной армии и выполняет также приказы

ее командования. Одновременно Буняченко связался и с Власовым, сообщив ему о сложившейся ситуации. Как тактику для начала оба, видимо, выбрали решение попробовать тянуть время, хотя бы пока немецкие штабы будут разбираться со сложной структурой подчинения РОА в отношении Вермахта, и наоборот.

Пятнадцатого апреля в девять утра майор Гельмут Швеннингер через посыльного был приглашен в штаб русской 600-й пехотной дивизии, где проходило совещание всего командного состава части. Как ему стало ясно с самого начала, все необходимые решения были уже приняты в его отсутствие. Настроение всех присутствующих, по мнению немецкого майора, было приподнятым, включая и самого командира дивизии генерала Буняченко. Последний сразу же предложил Швеннингеру бокал вина, под одобрение присутствующих, поблагодарил связного офицера Вермахта за содействие и хорошую работу в дивизии с момента ее отхода из Мюнсингена и до настоящего времени, потом обрисовал в общих чертах свое видение ситуации на фронтовой линии Одер – Ниса и единственный возможный вариант ее дальнейшего развития, не обещающий ничего хорошего как самим немцам, так и находящейся в этом районе Первой дивизии РОА под его командованием. Закончил Буняченко свою короткую речь тем, что в дальнейшем приказы он будет принимать только от КОНР и генерала Андрея Андреевича Власова лично, а в сложившейся ситуации, если даже такой приказ не поступит от последнего в самое ближайшее время, он, как командир дивизии, готов ради спасения своих людей отдать приказ к передвижению части дальше на юг, в Протекторат Богемия и Моравия, под свою личную ответственность, при полной поддержке всего своего штаба и командиров. Далее следовала просьба донести все это до сведения германского командования и якобы шутливая фраза Буняченко, описываемая, наверное, в большинстве публикаций о РОА – *Сообщите командующему генералу, что целая дивизия комфортабельно размещена в данной местности. Нам здесь хорошо, лес нас прикрывает от наблюдения с воздуха, наша противотанковая оборона, самоходные установки и танки находятся на позициях, которые позволят нам отразить любое нападение, например танковую атаку противника...*<sup>38</sup> После этого начальник штаба Николаев вышел из помещения вместе со Швеннингером и попытался шутками несколько смягчить ситуацию, даже предложил немецкому связному офицеру на всякий случай не ездить лично в штаб, а сообщить все по радио, так как, с точки зрения немцев, происходящее в дивизии было уже не что иное, как открытый мятеж.

Швеннингер все-таки решил сам ехать в штаб Пятого корпуса, чтобы попробовать объяснить командованию сложившуюся ситуацию, и тут Буняченко снова сильно повезло – в этот самый момент как раз и началось ожидаемое советское наступление, так что все внимание немецкого командования было приковано к передовой, а непонятные проблемы какой-то дивизии в тылу ни у кого не было времени и желания решать, а тем более в них разбираться. А в связи с тем, что связной майор попытался хотя бы получить разрешение на дальнейшее продвижение власовской дивизии на юг, все необходимые документы ему завизировали практически не глядя, с чем он и вернулся обратно в расположение части. Надо заметить, что и сам майор Швеннингер, хотя и всячески старался отговаривать командование дивизии РОА от невыполнения приказов командования Вермахта (больше он ничего фактически делать и не мог), был сторонником скорейшего отвода теперь уже мятежной дивизии на чешскую территорию, так как антинемецкие настроения среди ее военнослужащих (главным образом у рядового состава) постоянно нарастали, и было непредсказуемо, как могут развиваться события далее, если до зубов вооруженные власовцы в обстановке всеобщего

---

<sup>38</sup> Это перевод того, что слышал, по его же словам, немец Гельмут Швеннингер, так что как точно выглядела или звучала русская фраза, и вообще на каком языке ее все-таки произнес сам Буняченко, я не знаю, тем не менее общий смысл, думаю, ничуть не потерян.

смятения совсем недалеко за приближающейся линией фронта окончательно выйдут из-под контроля на территориях с немецким населением. Вполне вероятно, что подобные мысли имели место и в штабе Шернера при выдаче беспокойной дивизии разрешения на поход в Чехию.

Пятнадцатого апреля 1945 года 600-я пехотная дивизия Вермахта (русская) фактически уже прекратила свое существование в этой роли, хотя формально в немецких документах ею и оставалась. Теперь это уже была только Первая дивизия Русской Освободительной армии, как раз вступающая на путь своего короткого самостоятельного существования продолжительностью в неполный месяц.

То, что началось потом, можно назвать игрой Первой дивизии РОА «в кошки-мышки» с немецким командованием – серия выданных немецкими штабами приказов, и соответствующая серия их невыполнения генералом Буняченко под самыми различными предложениями, вплоть до абсолютно глупых и неправдоподобных объяснений своих поступков. Последний, видимо, придерживался правила, что лучше ответить хоть что-то, чем вообще молчать. Тем не менее цель оправдывала средства – время шло, а дивизия продвигалась все дальше на юг, практически игнорируя различные требования фельдмаршала Шернера и его штабов.

Шестнадцатого апреля 1945 года Первая дивизия РОА переместилась к населенному пункту Сенфтенберг (Senftenberg), поступает приказ от группы армий «Центр» к передислокации в район Хойерсверда (Hoyerswerda).

Семнадцатого апреля 1945 года – дивизия РОА прибывает в Хойерсверду, поступает приказ к походу на фронтовую линию и занятие позиций в районе населенного пункта Козел (Kosel), 6 километров к северо-западу от городка Ниска (Nieska).

Восемнадцатого апреля 1945 года – дивизия РОА вместо похода на Козел направляется в район Каменц (Kamenz), штаб располагается в населенном пункте Штелпхен (Stölpchen). Приказ группы армий «Центр»: двигаться в направлении населенного пункта Радеберг у Дрездена (Radeberg bei Dresden), к погрузке и последующей железнодорожной перевозке на территорию Протектората Богемия и Моравия.

Девятнадцатого апреля 1945 года – дивизия РОА приходит в Радеберг. Штаб дивизии в населенном пункте Уллерсдорф (Ullersdorf), 3 км юго-западнее Радеберга. Командир дивизии Буняченко немцам не верит, думая, что погрузка войск в железнодорожные вагоны фактически лишит его свободы передвижения и принятия решений. От погрузки на железнодорожный транспорт власовцы отказываются, по официальной версии для немецкого командования – место погрузки находится под угрозой атаки со стороны советских войск. Бои в это время идут в районе Баутцена (Bautzen).

Двадцатого апреля 1945 года – дивизия РОА движется далее в южном направлении, штаб пока остается в Уллерсдорфе.

Двадцать первого апреля 1945 года – передовые части дивизии приходят в Бад Шандау (Bad Schandau), туда же перемещается и штаб.

Двадцать второго апреля 1945 года – сбор всех частей Первой дивизии РОА в Бад Шандау. День отдыха.

Двадцать третьего апреля 1945 года – в дивизию прибывает связной офицер из штаба фельдмаршала Шернера майор Нойнер с приказом всем силам дивизии РОА переместиться и собраться в районе Гайда (Haida); генерал Буняченко вызван на следующий день к 17.00 в Гайдю на инструктаж лично фельдмаршалом Шернером.

Двадцать четвертого апреля 1945 года – Первая дивизия РОА прибывает в лесистый район горы Высокий Снежник (Hoher Schneeberg) к северо-западу от города Тетшен-Боденбах (Tetschen-Bodenbach)<sup>39</sup>. Штабные офицеры группы армий «Центр», связной майор Гель-

---

<sup>39</sup> Данная территория сегодня находится уже внутри Чешской Республики, название горы – Дечинский Снежник (723 м

мут Швеннингер и лично фельдмаршал Фердинанд Шернер напрасно дожидались в Гайде в назначенный час командира власовской дивизии генерала Буняченко – на приказ немецкого фельдмаршала он не явился. Вместо себя послал командира разведбатальона с информацией о том, что Буняченко, мол, попал в автомобильную аварию и приехать не сможет. Хотя потом командир дивизии РОА демонстративно ходил пару дней перед немцами весь в бинтах и рассказывал страшные истории об автоаварии, никто ему, конечно, не поверил, но и наказывать вроде как было не за что...

Двадцать пятого и двадцать шестого апреля 1945 года – два дня отдыха личного состава на удобных позициях в лесах под горой Высокий Снежник, контроль техники и вооружения. 26.04 после обеда Шернер по радио сообщает о том, что на следующий день в десять утра лично прилетит на своем самолете в расположение дивизии.

Двадцать седьмого апреля 1945 года – ровно в десять ноль-ноль утра в расположении дивизии приземляется «Физелер-Шторх»<sup>40</sup> Фердинанда Шернера. Дивизионный оркестр играет, рота почетного караула, весь штаб и офицерский состав построены по стойке «смирно» перед приземлившимся самолетом, из которого вместо фельдмаршала появляется начальник штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенант Олдвиг фон Натцмер. В разговоре с ним Буняченко сообщает, что согласился бы с фронтовым применением дивизии в районе города Брно (Южная Моравия, более трехсот километров от места дислокации части на тот момент). Фон Натцмер соглашается, но с условием, что поход дивизии по чешской территории будет проходить прямо за линией обороны группы армий (то есть Чешская Липа, Турнов и далее), как объяснение такого решения, было сообщено, что там расположены склады, с которых бы по пути было можно проводить обеспечение дивизии.

Двадцать восьмого апреля 1945 года – Первая дивизия РОА походом перемещается в Теплиц-Шенау (Teplitz-Schönau)<sup>41</sup>. Буняченко о предложении фон Натцмера: «*Идти за хлеб? – Нем!*»

Двадцать девятого апреля 1945 года – Первая дивизия продолжает поход на юг, штаб дивизии перемещается в населенный пункт Козоеды. Это уже в глубине населенной чехами территории Протектората Богемия и Моравия, около сотни километров на юго-запад от места предыдущего расположения и к западу от Праги. На то время достаточно серьезный марш-бросок за один день, даже только для штаба, который был полностью моторизован. Остальные части дивизии приближаются в маршевом порядке.

В тот же день в расположении 600-й дивизии появляется лично сам Фердинанд Шернер, в бодром настроении, с коробкой сигар и бутылкой коньяка в руках, и почти что в дружеском тоне пытается выяснить у генерала Буняченко, чего же он вообще хочет... Последний продолжает «гнуть ту же линию» о готовности дивизии к выходу на фронт в районе города Брно. Немецкий фельдмаршал разрешает дивизии РОА двигаться в указанном Буняченко направлении, обходя Прагу с юга, потом, распрощавшись со всеми, покидает русский штаб<sup>42</sup>.

---

н.м.), а города – Дечин. До мая 1945 года это еще было частью Германии с немецким населением, которое в 1945–1946 годах было полностью насильно изгнано на основании так называемых «декретов Бенеша».

<sup>40</sup> Fieseler-Storch – небольшой немецкий самолет-разведчик, моноплан очень удачной конструкции, к его характерным чертам можно отнести возможность разворота в воздухе практически на одном месте, а также возможность старта и посадки на любой хотя бы мало-мальски пригодной для этого местности.

<sup>41</sup> То же самое, что и в примечании 3, чешское название города Теплице-Шанов или просто Теплице.

<sup>42</sup> Опять же, лично мне снова абсолютно непонятно, как и почему немцы и их наивысшие представители продолжали «проглатывать» от командования РОА заведомую ложь или по крайней мере делать вид, что это делают. Ведь сам собой напрашивается логический вопрос: если дивизия, по словам ее командира, готова сражаться на Восточном фронте у Брно, то почему, скажем, не севернее, у Чешской Липы? Там что, меньше стреляют? Или сталинские законы, в случае попадания в плен, на Втором Украинском фронте помягче? К тому же, и Шернер это точно знал, в это время моравская столица Брно уже была 3 дня как в руках советской армии. Скорее всего немецкий фельдмаршал, исключительно из чувства разума и логики, которых у него хватало, решил просто сознательно отпустить Буняченко и его дивизию с богом, как он наверняка думал, в

Тридцатого апреля 1945 года – дивизия РОА продолжает сосредотачиваться в районе населенного пункта Козеды. Вечером в часть приехал теперь уже формально главнокомандующий Вооруженными силами КОНР генерал Андрей Андреевич Власов, который целиком поддержал все старания Буняченко отвести свою дивизию как можно дальше от линии фронта. Также Власов сообщил, что навстречу Первой дивизии РОА, с юго-запада, также по чешской территории движется и Вторая, хотя и с минимумом вооружения. План на соединение всех частей Русской Освободительной армии тогда еще, видимо, оставался в силе.

С тридцатого апреля и до четвертого мая 1945 года вся Первая дивизия РОА оставалась на том же месте. Надо особо отметить, что на протяжении всего похода власовцев с фронтовых позиций на реке Одер и до прихода в глубину чешской территории, а также все время постоя дивизии в районе Козед непрерывно продолжался начавшийся еще после выхода с полигона Мюнсинген постоянный приток в часть самых различных людей, благодаря чему численность ее личного состава к началу мая 1945 года уже приблизилась, по самым скромным подсчетам, к двадцати тысячам человек. Обмундирования, продовольствия и оружия в запасах самой дивизии для такого количества людей, естественно, уже не было. Вместе с увеличением числа прибывшихся «новых бойцов» быстро понижалась дисциплина, участились конфликты с немецкими полицейскими органами, чешской жандармерией и просто проходящими через расположение дивизии РОА военнослужащими Вермахта или СС, а также начались попытки реквизирования у последних оружия или несанкционированного получения всяческого материала с немецких складов в окрестностях. Произошло даже несколько инцидентов с применением оружия между немцами и солдатами РОА, с убитыми и ранеными на обеих сторонах. Тем не менее, по свидетельству майора Швеннингера, в Козедах все части дивизии все еще более или менее находились в руках своих командиров, хотя приток такого количества новых людей и постой среди славянского населения Чехии явно действовал на солдат РОА разлагающим образом, участились пьянки, самовольные отлучки и случаи неповиновения. Следующим важным фактором, влияющим главным образом на моральное состояние личного состава, являлись постоянно учащающиеся контакты власовцев с различными представителями местных «групп сопротивления», которые начали появляться на пути следования и в расположении войск РОА сразу же после входа на территорию Протектората. Подобные отряды, на чешской земле ранее вообще не существовавшие, к началу мая 1945 года начали появляться буквально как грибы после дождя. Толка они бывали самого разного – от откровенно бандитствующих под шумок вооруженных групп или тех, кто просто решил «повоевать» под конец войны, «отомстить за все подряд» немцам (желательно одиноким и невооруженным) или даже просто своим соседям, до отрядов с какими-то действительно реальными, но крайне разнообразными политическими целями. Самыми организованными из них являлись отряды коммунистической, просоветской направленности, составленные и ведомые, как правило, заброшенными именно для этой цели в Протекторат опытными советскими специалистами на подрывную работу за линией фронта; эти имели хорошее вооружение, экипировку и все необходимые средства связи для координации действий как между собой, так и с «Большой землей» за линией фронта. Но такие группы на контакт с власовцами выходили лишь минимально, хотя была даже попытка организовать контакт между командованием Красной Армии и дивизии РОА, но последние ответили резким отказом по политическим мотивам. Слухи о появлении «мятежной русской дивизии» распространялись по широким окрестностям с удивительной скоростью. Чешские «партизаны», или по крайней мере люди, так себя называвшие, часто приводили с собой новых русских «добровольцев» – восточных рабочих, беглых военнопленных и т. д., а также частенько

---

американский плен, так как в сложившейся уже тогда ситуации какие-либо попытки разоружить власовцев кончились бы простым и никуда не ведущим кровопролитием и создали бы больше проблем, чем их решений для самих же немцев.

приходили за оружием или даже, наоборот, приносили его сами, иногда указывали места, где находилась брошенная или просто плохо охраняемая военная техника, с которой сами не могли справиться, а дивизии приходилась впрок.

В период с тридцатого апреля по четвертое мая 1945 года произошли загадочные события, которые скорее всего и предопределили как судьбу самой Первой дивизии РОА и Русской Освободительной армии в целом, так, в немалой степени, и восстания в Праге. Но ни в одном источнике или публикации, старой, новой, восточной или западной, невозможно откопать какие-либо более конкретные информации, чем то, что у *командования Первой дивизии РОА произошел контакт с (какими-то?!?) якобы официальными представителями чешского движения сопротивления* и именно при этом случае впервые появилась мысль о поддержке восстания в Праге силами мятежной русской дивизии Вермахта. И практически везде, при сравнении описаний, происходят явные несостыковки. Данные об этих встречах есть в дневнике Гельмута Швеннингера, об этом пишут чешские исследователи восстания Карел Рихтер и Станислав Кокошка, а также один из самых известных и заслуживающих доверия историков, занимающихся РОА, и принимавший лично сам участие в пражских боях в составе разведбатальона 1-й дивизии Станислав Ауский<sup>43</sup>, об этом сообщают и малочисленные оставшиеся в живых и на свободе бывшие власовцы в своих еще более малочисленных мемуарах – например Сигизмунд Дичбалис и Вячеслав Артемьев. Но никто и нигде не сообщает, когда и кто именно все-таки приехал, о чем говорили, с кем, и кого вообще представляли эти загадочные чехи... Вячеслав Павлович Артемьев (см. «Личности»), бывший подполковник РОА и командир Второго полка Первой дивизии, конкретно пишет следующее, описывая данное действие как события, произошедшие второго мая 1945 года:

*«...Уже поздно вечером, в тот же день, из Праги в штаб Первой дивизии приехала делегация в составе нескольких офицеров в форме чехословацкой армии со знаками национальных повстанцев. Они отрекомендовались представителями штаба восстания. Делегация сообщила генералу Буняченко, что в Праге подготовлено восстание, для начала которого им необходима помощь и поддержка. Откладывать восстание было невозможным, так как в этом случае его подготовка будет вскрыта немцами, и восстание будет обречено на провал. Они говорили, что единственная их надежда возлагается на армию Власова и они, безусловно, рассчитывают на помощь «братьев-власовцев».*

*«– Во имя спасения героических сынов Чехословакии, во имя спасения беззащитных стариков, матерей, жен и детей наших, помогите нам. Чешский народ никогда не забудет вашей помощи в тяжелую минуту его борьбы за свободу», – говорили они генералу Буняченко».*

Ну хорошо, со Швеннингером ясно – он приписанный к дивизии Буняченко немецкий офицер, майор Вермахта, его, понятное дело, на такие переговоры не позвали бы; Ауский тогда еще среди власовцев не был, Дичбалис там был, но являлся всего лишь рядовым солдатом, хоть и вроде как связным при штабе, но Артемьев – старший офицер, командир полка в этой самой дивизии, командование которой переговоры вело! Кого мог позвать для решения подобных вопросов генерал Буняченко, как командир дивизии? Как минимум своего начальника штаба и командиров полков! И судя по тому, что Артемьев даже якобы цитирует

---

<sup>43</sup> Станислав Ауский, чех, родившийся на Подкарпатской Руси (тогда еще Австрия, потом Чехословакия, сегодня Украина), соответственно понимавший и говоривший по-русски, в качестве переводчика был зачислен в 1-ю дивизию перед началом событий в Праге, участвовал в боях в Праге, потом в отступлении к американской зоне. По окончании войны закончил военное училище, получил звание лейтенанта, но после прихода к власти в Чехословакии коммунистов был разжалован и выгнан из армии за политические взгляды, несовместимые с социалистическим образом жизни. Эмигрировал в США. Его труды о РОА я лично считаю, наверное, самыми адекватными и непредвзятыми источниками информации для интересующихся этой темой людей.

чехов, он должен был там присутствовать. В своей книге под названием «Первая дивизия» он упоминает десятки различных, важных и не очень, имен и фамилий, географических названий, самых разнообразных дат и цифр, включая, например, описание плохого положения со снабжением лошадей фуражом во время дислокации на полигоне Мюнсинген..., но имена и статус людей, с которыми ведутся переговоры, решающие окончательную судьбу целой Первой дивизии и ее людей, включая его самого, *он не знает или не помнит!* К тому же контактов этих было несколько, и люди эти явно приезжали в Первую дивизию не один раз, и дискуссии о возможной помощи власовских сил Праге, судя по всем показателям, начались еще 30 апреля, иначе тяжело объяснить тот факт, что дивизия все это время оставалась на одном месте и не шла ни в Брно, ни на встречу Второй дивизии РОА, ни в сторону американских линий. Да и Швеннингер в своих записях подтверждает появление чешских представителей именно тридцатого апреля. Мало того, эти люди действительно приезжали в дивизию многократно, обсуждали детали, привезли власовцам как минимум два десятка подробных карт Праги и ближайших окрестностей, необходимых для ведения комплексных и продуманных боевых действий, а в конце, перед выходом дивизии РОА на помощь восставшим в Праге даже был подписан некий совместный договор между Буняченко со стороны РОА и «чешскими офицерами» со стороны...???... восставших?.. О договоре говорит Артемьев, его текст, перед подписью, даже дали прочитать Швеннингеру, но этот уникальный исторический документ почему-то *нигде не сохранился!* ни в одном экземпляре, ни у одной стороны, и даже не известно, кто его подписал, вот так... Но документ такой существовал, подписан был, и именно и только после этого Первая дивизия РОА двинулась на помощь Праге.

Артемьев описывает чешских представителей как *офицеров в форме чехословацкой армии со знаками национальных повстанцев (...!?)*, Швеннингер в своем дневнике говорит о *полковнике чешской жандармерии, который был среди членов делегации, и его он видел в штабе части несколько раз*, Станислав Ауский также говорит о полковнике жандармерии и даже методом некоей дедукции вычисляет его фамилию – Ридл, но это все лишь чистая спекуляция. Верить, видимо, больше всего можно именно немецкому майору, так как он явно был способен отличить униформу чешской армии от жандармерии, а представить себе, что в то время, как власть в Протекторате еще достаточно крепко находилась в немецких руках, а на всех дорогах присутствовала немецкая полевая полиция и военные, по территории страны могли свободно перемещаться *офицеры чехословацкой (!) армии с (некими непонятными) знаками национальных повстанцев*<sup>44</sup>, вообще достаточно тяжело.

Вторым тяжело объяснимым событием, произошедшим во время дислокации частей РОА в Козоедах, стала некая попытка или якобы приказ со стороны местного высшего командования Вермахта к разоружению взбунтовавшейся дивизии генерала Буняченко и аресте ее командования. Данный инцидент был достаточно быстро «замят» при участии генералов А. А. Власова и С. К. Буняченко, а также связных Вермахта при восточных частях майора Швеннингера и обер-лейтенанта фон Клейста. Сам по себе данный приказ, написанный на бумаге, опять же, судя по всему, никто никогда не читал и лично в глаза не видел, а немецкие командиры, которым приписывалось его авторство, а именно генерал-полковник Хот, генерал Туссен (командир пражского гарнизона, см. «Личности») и фельдмаршал Шернер, все по очереди данный факт отрицали. По моему мнению, вообще не исключено, что это (как бы) просачивание в Первую дивизию информации о том, что немцы собира-

<sup>44</sup> Еще раз хотелось бы подчеркнуть множество неточностей и противоречий в работе именно Артемьева при сравнении с данными, полученными от остальных участников и свидетелей, которые в большинстве своем совпадают; поэтому дату 2 мая, обозначенную Артемьевым в описании событий, я бы тоже, наверное, принимал как приблизительную, скорее всего описываемая им сцена разговора командования Первой дивизии и чешских представителей происходила 30 апреля 1945 года, как пишет майор Швеннингер.

ются-де силой разоружить вышедших из-под контроля власовцев, являлось заранее продуманной провокацией с целью подтолкнуть таким образом дивизию РОА к более активной антигерманской деятельности, так как до этого ее «мятежное состояние» фактически заключалось лишь в уклонении от выполнения приказов немецкого командования и нежелании занимать позиции на передовой. Выгодно это могло быть в принципе кому угодно из антигитлеровского лагеря: для всех антигитлеровских союзных войск вообще любой достаточно крупный вооруженный конфликт за линией фронта на еще германской территории означал бы ослабление сил противника на передовой; для Красной Армии и советского командования, в частности, открытая конфронтация РОА и германских войск означала бы, кроме опять же ослабления немецкой обороны, еще и идеологическую победу; повстанцам это помогло бы быстрее убедить власовское командование принять участие в восстании на их стороне. Характерно также, что информации о немецком приказе разоружить Первую дивизию РОА появились в части практически одновременно с загадочными чешскими офицерами – представителями еще не существующего штаба еще не начавшегося пражского восстания. Возможно, случайность... возможно, и нет...

\* \* \*

... Чем дальше я углубляюсь в изучение истории Второй мировой войны, тем больше меня преследует чувство, что о событиях, происходивших всего шестьдесят – семьдесят лет назад, при наличии массы фото, кино и бумажной документации, а также даже еще живых свидетелей, мы знаем в действительности гораздо меньше, чем о Средневековье, Древнем Риме или вообще даже начале человеческой цивилизации. В общих чертах вроде все ясно – вот хорошие, а вот плохие; это трус и предатель, а вот это герой; началось здесь и такого-то числа, закончилось там-то, тогда и во столько... Но как только захочется каких-либо объяснений или подробностей, до этого красивая и кристально чистая картинка начинает как-то неожиданно расплываться, границы и контуры размазываются, изначально яркие цвета как-то быстро меркнут, пропадают или вообще меняются... При поисках различных ответов натываюсь на еще больше вопросов. Видимо, эти информации из прошлого могут еще настолько серьезным способом повлиять на нашу жизнь в настоящем, что кому-то все еще имеет смысл держать их в секрете...

\* \* \*

Четвертого мая 1945 года – Первая дивизия РОА, после несколько затянувшейся стоянки в Козоедах, снова продолжает свое перемещение в направлении на юго-восток, в этот раз в населенный пункт Сухомасты, что в принципе отвечает как маршруту в сторону Брно, предварительно оговоренному с фельдмаршалом Шернером, так и приводит дивизию ближе к Праге.

Тем временем ситуация Германии на всех фронтах ухудшилась настолько, что уже никто в Первой дивизии, включая находившихся при штабе части немецких связных, во главе с Гельмутом Швеннингером, не верил в реальность и смысл участия дивизии в боях на передовой. Повсеместно в Протекторате Богемия и Моравия начинались беспорядки, часто переходящие уже в открытые столкновения германских военных и порядковых формирований с восставшим чешским населением. Но, как признается в своем дневнике сам Швенninger, мысль об активном участии власовской дивизии в чешском восстании ему в то время еще даже не приходила в голову. Тем не менее у генерала Буняченко уже тогда были совершенно другие планы, а переговоры с чехами, начатые в Козоедах, продолжались и после прибытия в Сухомасты. К вечеру четвертого мая 1945 года в Праге уже начинались массовые

беспорядки, и в дивизии РОА об этом знали. Также было известно, что Красная Армия находится еще достаточно далеко от города, и немцы на востоке еще активно и сильно сопротивляются, зато американские передовые части, напротив, всего в менее чем ста километрах, сопротивление на пути – нулевое, а для хорошо моторизованных частей армии США преодоление подобного расстояния означало максимум полтора-два часа передвижения. Общая ситуация в Центральной Европе на тот конкретный момент и глазами всех находившихся на немецкой стороне, включая, естественно, РОА и тех чехов, которые не имели прямой связи через линию фронта, выглядела примерно следующим образом:

1. Германская пропаганда уже длительное время обрабатывала свое население и войска различными рассуждениями о том, что изначально антагонистический союз между восточными и западными участниками антигитлеровской коалиции находится на грани развала, и открытый конфликт должен неминуемо начаться со дня на день. Причем западные союзники в данном случае наверняка прибегнут к помощи всех возможных противокommунистических сил, то есть, видимо, и все еще достаточно внушительных остатков вооруженных сил Третьего рейха. На этом основании также возможно заключение сепаратного мира с Западом или односторонняя капитуляция Германии на Западном фронте, при продолжении совместных боевых действий на Востоке против Советского Союза в качестве уже общего противника. Данная пропаганда явно имела определенный успех, так как ожесточенные бои на Востоке действительно продолжались, в то время как с Запада немецкие войска практически уже не оказывали никакого сопротивления продвижению англо-американских сил.

2. Среди немцев благодаря просачивающейся извне информации к концу войны было достаточно расширено убеждение в том, что на конференциях в Тегеране и Ялте было решено после поражения Третьего рейха разделить Европу на зоны влияния между Востоком и Западом, причем сама Германия должна была быть разделена, Австрия вошла бы в «Западную зону», а Чехословакия в «Восточную»<sup>45</sup>. Тем не менее ситуация этих государств в первые дни мая 1945 года была совсем иной – в то время, как Красная Армия, взяв штурмом австрийскую столицу Вену, продвинулась в западном направлении уже более чем на половину территории альпийского государства, американские войска вошли с западной стороны на бывшую территорию Чехословакии, в чешской части, и находились менее чем в ста километрах от Праги. Причем большая часть чешской территории в этот момент находилась под контролем все еще сильной и по всем показателям боеспособной германской группы армий «Центр», которая на Востоке и на Севере успешно сдерживала советские войска, в то же время не оказывая сопротивления армии США, продвигающейся с Запада и с Юга.

3. Таким образом, у людей, не имеющих доступа к коммуникации между союзниками по антигитлеровской коалиции в режиме реального времени, складывалось стойкое впечатление того, что чешские земли, судя по всему, будут заняты, по крайней мере изначально на определенное время, армией Соединенных Штатов. То есть в свете всех происходящих событий, а также надежд на неминуемый и скорый советско-западный конфликт, чешская территория казалась в то время достаточно надежным убежищем для тех, кто хотел дождаться окончания боевых действий и не попасть при этом в руки Красной Армии и советских властей.

Данные мысли явно возымели свое конкретное действие как на власти в Протекторате Богемия и Моравия и некоммунистическую часть чешского сопротивления, так и на командование Русской Освободительной армии и генерала Буняченко. Те неизвестные чехи, с которыми с тридцатого апреля по четвертое мая 1945 года общался Буняченко, судя по

---

<sup>45</sup> Что в общем-то отвечало действительным планам лидеров антигитлеровской коалиции.

всему, являлись представителями так называемого «военного» крыла сопротивления. И то, что они предложили власовцам за поддержку восстания, было нечто типа политического убежища в Чехии в случае успешного развития событий в Праге. И чехи, не находившиеся в контакте с коммунистическим подпольем, и командование Первой дивизии РОА имели в принципе одинаковые источники информации и одинаковые доступные факты для проведения анализа сложившейся вокруг них ситуации, поэтому и те и другие в то время реально верили в возможность именно такого развития событий. К тому же эти чешские военные представители, видимо, были действительно убеждены в том, что они являются единственной силой, способной подготовить и провести вооруженное восстание и захват власти в столице Протектората. Поэтому договор между чешскими офицерами и генералом Буняченко был подписан. Поэтому Первая дивизия РОА, в надежде на собственное спасение, двинулась на помощь уже разгорающемуся пражскому восстанию.

## 7. Начало восстания

Наверное, «официальным» днем начала Пражского восстания можно считать четвертое мая 1945 года. Хотя еще третьего числа, за день до этого, чешская столица, можно сказать, еще жила футболом, а воевать на улицах и строить баррикады в действительности вообще мало кто собирался. Много раз до этого как сам президент Эдвард Бенеш, так и чехословацкое правительство, находящееся теперь уже временно в городе Кошице, на территории уже очищенной от немецких войск Словакии, выдавало несколько так называемых «призывов к началу восстания в Протекторате». Последний такой «призыв», по до сих пор необъяснимой причине, даже устанавливал точную дату начала восстания на 24 апреля 1945 года, но никаких явных откликов у подавляющего большинства чешского и нечешского населения страны данные пламенные вдохновения из-за границы и из-за линии фронта как-то не находили...

Третьего мая сорок пятого года жителей столицы Протектората Богемия и Моравия главным образом интересовал результат встречи любимых местными фанатами пражских команд «Прага-Либень» и «Виктория-Жижков». На матче, закончившемся где-то после семи вечера, присутствовало более двух тысяч зрителей, перед которыми жижковская «Виктория», играя «в гостях», наголову разгромила домашнюю команду со счетом 7:1. Параллельно проходившие в Праге футбольные матчи, а их было четыре или пять, посетило приблизительно похожее число зрителей, а те из болельщиков, кто не смог попасть на стадионы, слушали радиотрансляции дома или, по чешскому обычаю, в любимой пивной...

...А в это же время примерно в трехстах километрах на юго-восток от чешской столицы, на полях сражений от Моравской Остравы до Опавы лежат более двадцати пяти тысяч погибших солдат Красной Армии и в их числе около тысячи воинов Чешской Освободительной армии в СССР генерала Людвика Свободы, по всей линии фронта стоят сотни подбитых танков и бронемашин. Примерно на таком же расстоянии от города с востока и с севера немецкие части группы армий «Центр», сражаясь за каждый метр земли и за каждый дом в каждой деревне и каждом хуторе, всеми силами пытаются сдерживать продвижение советских войск, а на юго-западе, в районе погорья Шумава, в 150 километрах от Праги, на территорию бывшей Чехословакии уже вошли первые американские части, и генерал Паттон настойчиво просит у командования армии США разрешения немедленно продвигаться вперед, к столице Чехии, для чего у него имелись все возможности. А всего в тридцати километрах от пражских окраин, в старинном замке у деревни Сухомасты, проходят заключительные переговоры о походе Первой дивизии Русской Освободительной армии на Прагу и вооруженной помощи возможному чешскому восстанию, которое, заметим, еще никто тогда даже и не начал.

Пражское восстание в мае 1945 года вообще началось, можно сказать, по ошибке. Известным фактом является то, что 4 мая в Праге и других местах люди начали активно срывать и уничтожать немецкие надписи – названия улиц, организаций, предприятий, железнодорожных станций и тому подобное, но совсем немногие знают о том, что на самом деле изначально убрать немецкие надписи распорядилось само правительство Протектората Богемия и Моравия, а именно тогдашний министр транспорта Йиндржих Каменицкий. Именно он сказал своим подчиненным аккуратно снять названия на немецком языке со зданий почт и вокзалов, изначально как раз ради снижения растущей среди чешского населения напряженности в отношении немцев и всего немецкого.



*Прага 4 мая вторая половина дня или 5 мая рано утром, ул. Рытиржска. Муниципальные служащие снимают с фасада здания немецкие надписи, хотя в этом случае это просто название ресторана с пивной.*

Но данные действия, судя по всему, в процессе исполнения возымели как раз прямо противоположный эффект – когда просто проходящие мимо люди увидели, что немецкие надписи снимают с государственных учреждений сами же государственные чиновники, данный пример начал совершенно стихийно и уже бесконтрольно распространяться по всему городу, часто это происходило прямо на глазах у немецких официальных лиц, военнослужащих или полицейских, те, в свою очередь, иногда просто бездейственно смотрели, иногда пытались принимать ответные меры, а в этом случае уже собирающиеся толпы народа на улицах, охваченные известной эйфорией стадной безнаказанности, начинали реагировать агрессивно... таким образом, стремительно разраставшуюся волну беспорядков уже практически невозможно было остановить. И дело потом уже было даже не в немецких табличках, которые никому целых шесть лет до этого никак не мешали (а до 1918 года и вообще пару столетий<sup>46</sup>), конфликты уже происходили на абсолютно любой возможной почве, просто выходила наружу напряженность по какому угодно поводу или даже без него, а надежда на безнаказанность масс в стиле «...А что? Все делают и я делаю...» придавала людям уверенности в себе и усиливала видимость того, что что бы ни случилось – никому ничего за это не будет... Всем казалось, что режим Протектората уже вроде как и не существует, и все с ним связанное практически кончилось само собой, просто населению об этом пока не сообщили или как бы забыли сообщить...

Так как по всему городу все развивалось по примерно одинаковому сценарию, позволю себе ниже привести описание событий 4 мая 1945 года глазами очевидца, Богумила К., проживавшего в данное время в промышленном пражском районе Вершовице. Очевидцу этому

<sup>46</sup> Имеется в виду, что до этого Чехия и Моравия вообще являлись частью Австрийской империи, т. е. немецкоговорящего государства.

тогда было 14 лет от роду – уже вполне достаточный возраст для того, чтобы хорошо запоминать происходящее вокруг, но еще не настолько зрелый, чтобы задумываться о последствиях, встречая во все и везде, где что-либо кажется сильно интересным, то есть в общем, с моей точки зрения, вполне заслуживающий внимания и не испорченный тогда еще возрастной осторожностью свидетель<sup>47</sup>. К тому же этот активный юноша, отец которого являлся офицером распушенной немцами чешской армии, далее поучаствовал, совместно с отцом, и в самом восстании в качестве связного между баррикадами, так что к его свидетельствам в тексте еще будем возвращаться.

*«...как продвигались союзные армии, немцам не оставалось ничего другого, кроме как ликвидировать концентрационные лагеря, а так в начале мая по пражским школам и больницам развозили переживших политических заключенных, в основном вроде как из Терезина<sup>48</sup>. И в нашу школу на улице короля Иржи – «Фейгловку», которую превратили в «карантин», было привезено несколько десятков заключенных, видимо переданных под опеку Чешского Красного Креста. Это было 4 мая 1945 года. У нас, мальчишек, тогда уже не было учебы. Мы были на улице, а так ничего из того что в нашем районе происходило, без нас, естественно, не обошлось. С самого утра к школе ездили небольшие грузовички и санитарные машины, из которых вылезали несчастного вида тощие и побитые фигуры. Некоторые шли сами, замотанные в одеяла, часто подтирая друг друга, некоторых заносили на носилках. Перед зданием начали собираться группы вершовицких граждан. Сначала заключенным аккуратно махали, при взглядах на измученные и худые тела, а некоторые им приносили еду, сигареты или другие подарки. ...На лестнице, ведущей к массивным главным дверям школы, стояли еще как бы забытые два немецких солдата с винтовками и примкнутыми к ним штыками, на флажке здания еще висел их флаг со свастикой, но был почему-то приспущен (скорее всего по поводу недавней кончины фюрера. – Прим. авт.).*

*Обе стороны друг около друга явно не чувствовали себя хорошо. Для нормальных немцев конец войны был абсолютно ясным, а это были рядовые солдаты на посту. Не знали, как на то, что вокруг них творилось, реагировать и как себя вести. Пока что были на службе, а приказ есть приказ.*

*Чехи тем не менее при каждом приезжающем автомобиле с больными заключенными смелели все больше и больше. Из сначала одиночных тихих слов приветствий со слезами на глазах начали вырастать громкие выкрики хором... Отвага (в толпе. – Прим. авт.) возростала и потому, что в течение полудня и в послеобеденное время толпа людей уже сильно сгустилась. Широкая улица перед школой была абсолютно заполнена.*

*...мы с другом Зденьком Х. ...вылезли на декоративный фронтон дома прямо напротив школьной лестницы... все это фантастическое действие под нами, таким образом, мы видели абсолютно четко с панорамным обзором... В толпе были чехи всех возрастов – женщины, идущие с сумками из магазинов, мужчины, которые, видимо, выходили с ранних смен «Кох-и-Норки», «Фейгловки» и других фабрик и мастерских в округе, беловолосые пенсионеры (крайне интересная небольшая деталь, сообщающая нам о том, что 4 мая 1945 года*

---

<sup>47</sup> Следующий текст переведен на русский язык автором по-возможности максимально близко к оригиналу, предложения, фразы и описания сохранены и составлены таким же образом, как и в рассказе очевидца-чеха.

<sup>48</sup> Терезин – городок и крепость недалеко от Праги, часто в различных публикациях называемый концентрационным лагерем, что не совсем отвечает действительности. В так называемой Малой крепости Терезин с 1940 года находилась тюрьма и следственный изолятор гестапо, куда попадали политзаключенные, лица, обвиненные в шпионаже, антигосударственной деятельности и т. п. С 1941 года в Большой крепости Терезин и на прилегающей к ней территории было расположено еврейское гетто, то есть отделенное поселение. Многие из обитателей гетто были впоследствии отправлены в различные концлагеря, Терезин являлся чем-то вроде перевалочного пункта на территории Протектората, но само гетто и тюрьма в нем просуществовали до самого конца Третьего рейха, причем гетто являлось «показательным» и практически до самого конца своего существования имело самый мягкий режим и самую низкую смертность среди всех подобных учреждений, организованных гитлеровцами.

в Праге можно было спокойно пойти в магазин с сумкой и там, видимо, ее чем-то наполнить, а также, что пражские предприятия работали в совершенно нормальном режиме... – Прим. авт.).

*Солдаты на ступенях школы выглядели чем далее, тем более нервозными и неуверенными. Заключенные на первом и втором этаже школы начали открывать окна и махать толпе, у некоторых в руках даже откуда-то объявились маленькие чехословацкие флажки.*

*В один момент кто-то в полосатой одежде заключенного, вылезавший из очередной санитарной машины, начал указывать пальцем на ненавистный флаг со свастикой и кричать «Сорвите эту тряпку!» Сразу, как только это было сказано, кто-то из окна начал тянуться к немецкому флагу, остальные его держали, но все равно не доставали до него. Потом за ними появился еще кто-то с большой школьной шваброй, этой шваброй флаг притянули к себе и сорвали. Под мощные одобрителыные вопли толпы люди в окне рвали флаг на куски и выкидывали их в окно. Куски, к сожалению, оставались лежать за забором на дворе школы или висели на ветвях больших кустов магнолий. Кто-то начал насвистывать чехословацкий государственный гимн...*

*...с левой стороны, в направлении от стадиона «Богемиянс»<sup>49</sup>, сквозь толпу начал продирается немецкий офицер в фуражке. На его серой униформе были видны ордена и наградные планки. Махал над головой пистолетом и что-то кричал. Люди сначала перед ним раступались, но потом, как приблизился к школе, вокруг него образовалось плотное кольцо. Неожиданно грохнул выстрел из пистолета. В толпе на том месте мы увидели только шлемы и синие униформы двух чешских протекторатных жандармов. Немецкая серая полевая форма уже пропала из вида. После выстрела на некоторое время все как-то стихло. Солдаты с лестницы тоже куда-то исчезли. Не знаю, может, скрылись от взволнованной толпы во дворах за школой или в другом месте. Больше выстрелов пока не было, но мы со Зденьком испугались, слезли с фронтона здания и вдоль дома побежали к улице Налуже...*

*...потом вроде как был еще выстрел, которым был застрелен какой-то гражданин из Страшниц<sup>50</sup>. В ожидании ответной реакции со стороны оккупантов наша полиция начала разгонять толпу...*

*...мы уже неслись к нашим домам и с мальчишеским запалом орвали, перебивая один другого и иногда в один голос: «У нас свобода! Уже свобода!»...*

*В этот же день граждане Вершовиц начали закрашивать немецкие надписи, перелеплять и срывать немецкие таблички с домов и магазинов... ...Так в Вершовицах началась революция 1945 года».*

Примерно таким же образом, как в вышеописанной части пражских Вершовиц, так называемая «революция 1945 года» начиналась и в остальных районах чешской столицы. Я лично говорил с несколькими живыми свидетелями всего этого, но думаю, что из-за практически одинаковых описаний одних и тех же событий нет смысла приводить здесь больше подобных текстов. Главная и общая черта всех этих рассказов – ни одного упоминания о какой-либо организованной или организационной деятельности кого-либо и где-либо (кроме частых попыток чешской полиции или жандармерии, а также немецких порядковых служб утихомирить особо разбушевавшихся граждан), полная спонтанность всего происходящего, сопровождаемая всплесками эйфории толпы, отдельными агрессивными инцидентами и общей полной неразберихой и, опять же, полным отсутствием у населения какой-либо информации о происходящем вокруг.

С вечера пятницы 4 мая 1945 года разрастающаяся волна беспорядков и уничтожения надписей на немецком языке по всему городу постепенно перешла к утру субботы 5 мая,

---

<sup>49</sup> «Bohemians Praha» – чешский футбольный клуб, существует в Праге до настоящего времени.

<sup>50</sup> Район на окраине Праги.

которая тогда еще была рабочим днем. То есть большинство трудоустроенных жителей чешской столицы в этот день нормально пошли на работу и с утра находились на своих заводах, фабриках и в учреждениях. Именно здесь, на рабочих местах, часто под влиянием профсоюзных организаций, в свете происходящих в городе событий, начали проявляться первые точечные попытки организации неких отрядов самообороны, установления контактов с соседними предприятиями и тому подобные действия. Но никакой общей связи все еще не было, не говоря уже о какой-либо координации действий или планировании, причем данное состояние фактически продолжалось до самого конца восстания 9 мая. Но об этом далее.

В 04.00 утра субботы 5 мая в Протекторат после визита к новому главе рейха – гросс-адмиралу Деницу также прибыл самолетом глава немецкой имперской администрации, он же рейхсминистр, СС-группенфюрер Карл Герман Франк. Вскоре после приземления на военный аэродром в Градце Кралове он направил в Прагу срочную телефонограмму об отмене распоряжения к снятию немецких надписей на государственных учреждениях, но было уже слишком поздно. Находясь на территории, подконтрольной группе армий «Центр», Франк сразу же начал обсуждать с германскими военными способы возможного удержания порядка в Протекторате, который к этому времени был, по его мнению, уже подобен «пороховой бочке с тлеющим фитилем». Кроме того, от Деница Франк получил также и «благословение» на проведение в Протекторате политических перемен, способных, как казалось тогда германским высшим кругам, сохранить на его территории относительный порядок. Смысл данных действий, с точки зрения Франка, заключался в передаче всей официальной власти чешскому протекторатному правительству, что должно было успокоить недовольство населения. Также он, по консультации с Деницем, собирался официально объявить Прагу «открытым городом», чтобы, с одной стороны, избежать боев и разрушений исторического центра чешской столицы, с другой – обеспечить безопасность огромного количества находящихся в Праге немецких беженцев и госпитализированных военнослужащих, а также, при необходимости, свободный проход через город на запад колонн отступающих германских войск группы армий «Центр».

Интересно, что и у самих представителей чешского протекторатного правительства к пятому мая сорок пятого года был также уже готов собственный план действий на случай ожидаемой от К. Г. Франка передачи власти, для максимально безболезненного, как им казалось, выхода страны из сложившейся кризисной ситуации Третьего рейха. Его суть заключалась в следующем.

Чешскими представителями, способными взять на себя управление государством в начале мая 1945 года, являлись министры протекторатного правительства Рихард Бинерт, Йозеф Калфус, ранее упомянутый Йиндржих Каменицкий и Ярослав Крейчий. Эти люди, с помощью управляющего канцелярией президента Протектората Августа Попелки, должны были составить официальное заявление для народа о том, что президент Протектората Эмиль Гаха по состоянию здоровья<sup>51</sup> уже не может выполнять свою функцию главы государства. Таким образом, его полномочия по закону переходили бы к главе правительства – Бинерту. Тот потом должен был бы провозгласить, что Протекторат Богемия и Моравия, фактически созданный Третьим рейхом, прекращает свое существование в связи с развалом самого Третьего рейха. Затем должно было быть выставлено требование к отступлению от своих прав всех германских государственных представителей в Протекторате, а к германским войскам, находящимся на территории страны, о невмешательстве во внутренние дела чешского народа. Пронемецки настроенные министры в правительстве Бертш, Моравец и Грубый должны бы были немедленно отстранены со своих постов. Далее, при участии неких

---

<sup>51</sup> Состояние здоровья официального президента Протектората Богемия и Моравия действительно к этому времени сильно оставляло желать лучшего, и практически все граждане об этом знали.

не именованных «автономных органов чешского народа» и, возможно, представителей германских вооруженных сил и чешских порядковых служб на территории страны будет обеспечен «покой и порядок». Тем не менее военный комендант Праги генерал Рудольф Туссен о каких-либо совместных действиях с чешским правительством без распоряжения командования Вермахта разговаривать с министрами отказался даже в предварительной форме. Самостоятельные же попытки протекторатных министров начать переговоры с какими-либо ответственными представителями движения Сопротивления не увенчались успехом, так как никаких таковых лиц вплоть до момента распространения массовых беспорядков уже по всему городу просто не было выявлено.

Но события в Праге и на всей территории Протектората Богемия и Моравия развивались так, что «у руля истории» здесь встали именно те, у кого никакого реального плана действий на ближайшее будущее не было вообще. Точнее, изначально даже «рулей» этих возникло сразу несколько в одно и то же время, и «рулил» каждый из них хоть и безо всякого плана, но в свою сторону...

Первым всеобщим и как бы «официальным» сигналом к началу «народного восстания» в Праге явились передачи пражской студии чешского радио, в которых с утра пятого мая дикторы Зденек Манчал и Станислав Козак исключительно по собственной инициативе начали проводить передачи сначала на странной смеси чешского и немецкого языков (вместо предписанного немецкого), а после восьми часов утра вообще перешли только на чешский. Что, естественно, само по себе оказало значительное влияние на слушателей, несмотря на то что никакой конкретной информации о происходящем в Протекторате ни из радиопередач, ни из каких-то других источников население пока так и не получало. Данная атмосфера представляла собой живительную почву для возникновения и распространения массы различных слухов, как, например, о продвижении американских танков от Бероуна<sup>52</sup> в направлении Праги или о том, что в пражском аэропорту Рузине уже якобы приземляются самолеты союзников<sup>53</sup>. Подобные байки, при цитировании которых из уст в уста люди в своих надеждах выдавали желаемое за действительное, в качестве «абсолютно проверенной информации» мгновенно разлетались по всему городу, естественно, провоцируя все дальнейшие и дальнейшие эксцессы между населением и немецкими властями. На пражских трамваях (которые утром 5 мая все еще ездили четко по расписанию) начали то тут, то там появляться чешские флажки, национальные «триколоры» Чехословакии, и даже непонятно откуда взявшиеся у людей флаги всех союзников по антигитлеровской коалиции начали массово вывешиваться в окнах и на фасадах зданий, часто вместо сорванных штандартов Третьего рейха. Около десяти утра появились «совершенно точные» известия о появлении американских танков уже в пражском пригороде Рудна.

Чешские жандармы, полицейские и даже малочисленные военнослужащие протекторатных правительственных войск<sup>54</sup> начали появляться на улицах при оружии и с трехцветными красно-сине-белыми ленточками в цветах чехословацкого национального флага на

---

<sup>52</sup> Beroun – промышленный город в 25 км к юго-востоку от Праги, как раз в том же направлении и в этих же местах 5 мая 1945 и находилась 1-я Дивизия РОА.

<sup>53</sup> На самом деле в аэропорту Рузине в это время беспрепятственно взлетали и приземлялись после боевых вылетов немецкие реактивные истребители-бомбардировщики Мессершмитт Me-262 «Швальбе», являющиеся первыми в мире серийно выпускаемыми и используемыми реактивными самолетами, а также были расположены значительные силы противовоздушной обороны и аэродромной охраны германских ВВС, усиленные также частями Ваффен-СС из недалеких казарм СС. Немецкая войсковая группировка в районе аэропорта Рузине была одной из самых сильных и боеспособных на момент начала восстания в Праге.

<sup>54</sup> Большая часть и без того немногочисленного чешского «правительственного войска» из-за отсутствия доверия немецких властей была отослана в Северную Италию, где весной 1945 года чехи несли караульную службу или, разоруженные, работали на строительстве оборонительных сооружений. Данный факт в принципе нарушал изначально установленное при создании собственных «правительственных войск» Протектората правило, запрещающее использование личного состава этих частей за пределами страны.

униформах. Сеть полицейских участков и казарм жандармерии на момент начала восстания были единственной организованной силой, имеющей хорошую взаимную связь, вооружение (хоть и только легкое – в подавляющем большинстве пистолеты и карабины) и централизованное командование. По всему городу уже массово срывались немецкие надписи и государственные символы Третьего рейха. В центре Праги стихийно организовалось несколько колонн демонстрантов, не имевших явной цели и направления движения, начались первые попытки обезоруживания попадавшихся на пути толпы одиноких немецких военнослужащих или просто нападения на гражданских лиц, говоривших по-немецки. К одиннадцати часам утра все эти группы были полностью разогнаны немецкой полицией порядка, в центре города снова стало относительно спокойно. Тем не менее внутри зданий, в учреждениях и на предприятиях постепенно проходил активный захват власти чешскими сотрудниками, началась «охота» на немцев и коллаборантов. Некоторых просто отстраняли от дел или подвергали «гражданскому аресту», некоторых избивали, начались и первые убийства.

В 11.45 к зданию Пражского радиовещания прибыла группа усиленной охраны в составе взвода Ваффен-СС на велосипедах.

В это же время германская полиция порядка начала чистить от разгулявшихся стихийных демонстраций Вацлавскую площадь и прилегающие улицы. При этом были использованы дымовые гранаты, а также зазвучали первые выстрелы, хотя пока только в воздух.

Далее снова свидетельство Богумила К.:

*«...пятого мая в полдень обедаем и слушаем радио. Вдруг прямо из приемника раздается отчаянный крик: «Алло!.. Алло!.. Вызываем полицию, жандармерию, правительственные войска на помощь Чешскому радио!.. Эсэсовцы нас тут убивают!..»*



*Прага 5 мая 1945. Велозвуд Ваффен-СС с полной боевой выкладкой и в полевой форме проходит у здания Государственного музея.*

Несмотря на то что в действительности текст данного радиообращения к народу и был несколько иным, чем его запомнил тогда четырнадцатилетний мальчишка, ощущения и атмосферу дня его воспоминания передают достаточно отчетливо.

Именно с этого момента в Праге уже действительно начались вооруженные столкновения, а именно эта самая радиопередача, услышанная одновременно во всем городе, а также за его пределами, и послужила последним толчком к этому.

## 8. Расстановка сил

Перед началом абсолютно каждой планируемой боевой операции прежде всего по доступным данным проводится предварительный анализ сил и возможностей участвующих сторон – как своих, так и противника, исходя из этого рассчитываются необходимые для проведения силы, возможные ответные действия со стороны противника, разрабатывается тактика и способ проведения операции, а также и калькулируются возможные потери и вообще рассматривается возможность и реальность проведения каких-либо действий и шансы на их успех или наоборот. Причем данное правило применяется всегда и независимо от масштаба или значительности планируемых действий, как при стратегической войсковой операции с участием тысяч и тысяч человек и всех имеющихся родов войск, как, например, немецкий план «Барбаросса» при нападении на СССР в июне 1941 года или успешное советское контрнаступление, начатое под Сталинградом зимой 1942 года, так и в самых малых боевых ситуациях типа захвата отдельной огневой точки противника силами четырех-пяти солдат или, к примеру, ликвидация вражеского танка втроем, вдвоем и даже в одиночку... И также не важно, если на планирование действий отведено время в измерении нескольких месяцев или всего пары минут – сопоставить свои силы с силами противника необходимо, без этого любая операция превращается в чистую авантюру – глупую игру во что-то типа «русской рулетки». Для того чтобы этого не происходило, применять это правило всегда должен каждый командир на своем месте от уровня сержантского состава до увенчанного полководческой славой и наградами маршала, и даже каждый разумный отдельный солдат, рассматривая свои личные действия в конкретной определенной ситуации. Правило это абсолютно непоколебимое, действует во всех вооруженных силах всех стран мира и не только, даже самые отсталые человеческие сообщества где-то в джунглях Амазонии или Центральной Африки, направляясь на охоту или выяснять отношения с соседним племенем, имеют определенный план действий и разработанную тактику, а в основе всего этого лежит то, на что именно охотятся или с какой силой на стороне племени противников рассчитывают встретиться в возможном конфликте.

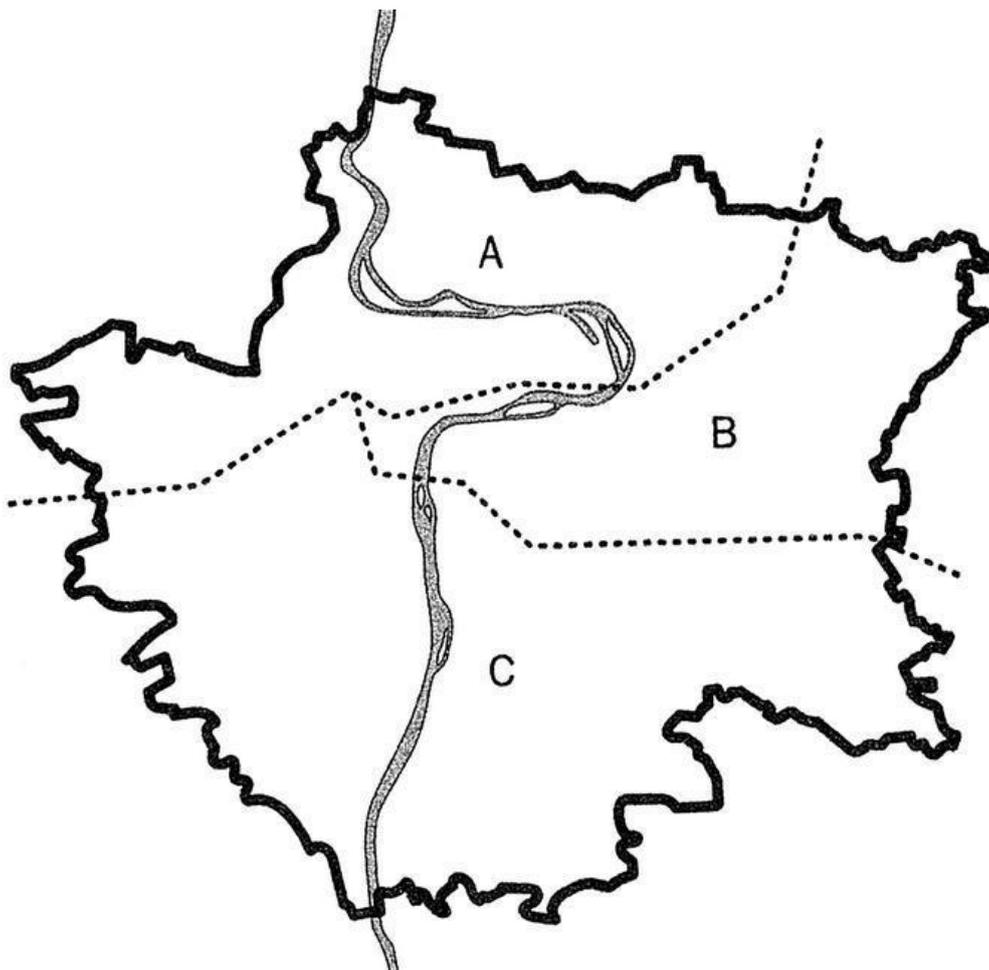
Сразу же после окончания Пражского восстания в мае 1945 года на сцене появилось достаточно большое количество людей, бьющих себя кулаками в грудь и говорящих о том, что это были именно они, кто готовил и организовывал восстание, а затем и стоял у его руля во время победоносных боевых действий в столице Чехии. Глядя на сложившуюся в стране после окончания военных действий ситуацию вообще неудивительно, что в подавляющем своем большинстве данные граждане являлись прокоммунистическими и просоветскими деятелями так называемого чешского сопротивления. Хотя были среди них и военные, находившиеся в Протекторате или заброшенные из-за линии фронта с Запада, а также некоторые демократические представители, хотя и тех и других, после окончательного захвата власти в Чехословакии коммунистами в 1948 году, быстренько оболгали, развенчали и отправили в лучшем случае в полное забвение или эмиграцию, в худшем – в концлагеря. Небезынтересно, что там они вскоре встретились и со многими своими коммунистическими коллегами по восстанию, оказавшимися там же по причине их чрезмерной информированности, а также неугодности новому режиму вообще всей этой истории с так называемой «революцией 1945 года» в Праге. Хотя мемуары и воспоминания об организации восстания потом написали многие, самое широкое распространение как в СССР, так и в послевоенной Чехословакии, естественно, получила коммунистическая версия событий, хоть и в сильно «идеологически обработанном» состоянии. На Западе же официальные лица и просто сведущие люди тоже помалкивали, так как знали, что поводов для гордости во всем этом было мало...

Тем не менее сегодня можно с абсолютной уверенностью сказать, что если кто-то и где-то сообщает или сообщал о том, что это именно он готовил и организовывал Пражское восстание в мае 1945 года или был одним из участников данного процесса (подготовки и организации) – это все в действительности *откровенная ложь*. Единственной группой людей, о которых можно сказать что-то подобное, были как раз те, кто договаривался с генералом Буняченко в замке у деревни Сухомасты о поддержке Первой дивизией РОА сил повстанцев при возможном конфликте в городе, но мемуаров они не оставили и, к сожалению, даже их имен мы в действительности до сих пор не знаем.

Одним из неопровержимых доказательств того, что у нескольких возникших с самого начала беспорядков в Праге «штабов» восстания изначально не было и речи о каком-либо плане действий, не говоря уже о предварительной подготовке, является как раз тот факт, что никто из них не располагал даже самыми приблизительными данными о силах противника, то есть германского гарнизона, хотя бы в самом городе. Причем в данном конкретном случае этот предполагаемый противник ни от кого не прятался в бункерах и замаскированных траншеях, не закапывал танки в землю и не передвигался скрытно по ночам, днем пряча колонны войск и техники в густых лесах или глубоких горных ущельях – воинские части пражского немецкого гарнизона и полиции порядка располагались в казармах, по известным официальным адресам, не использовали никаких средств камуфляжа и регулярно открыто появлялись в городе. При малейшем желании, в процессе подготовки восстания, если бы таковой действительно имел место, членам чешского подполья не составляло бы абсолютно никакого труда за пару дней сосчитать и переписать в пражском гарнизоне всех до единого солдата, не говоря уже о том, что даже и этого в принципе не надо было бы делать, если заранее через протекторатные государственные службы, жандармерию или военных (с которыми у «повстанцев» были тесные отношения, и среди которых было много сочувствующих и даже участников «сопротивления») хоть кто-либо постарался бы получить подобные материалы, отнюдь не являвшиеся сверхсекретными. Но ничего подобного никто из главных «организаторов восстания» даже не попытался предпринять. Более того, чешские «штабы восстания» на самом деле также не имели даже в общих чертах представления о силах, на которые бы могли рассчитывать сами повстанцы, так как отсутствовал еще один важнейший элемент каждой командной организации – связь, да и сама организация как таковая.

Ни в одном из опубликованных от лица «вождей чешского сопротивления» эпических и «подробных» описаний хода восстания невозможно найти какие-либо более или менее связанные и реальности отвечающие сообщения о совокупной силе противника. Нет этих документов и в материалах чешских архивов (!), связанных с событиями мая 1945 года в Праге, где содержится информация о деятельности управляющих органов Пражского восстания, ходе боевых столкновений и т. д. Никакой документации об анализе силы немецкого гарнизона к моменту начала восстания нельзя нигде найти потому, что ее на самом деле никогда и ни у кого из «вождей восстания» не было, ее просто не существует в природе. Первые попытки хоть как-то провести реальное сопоставление сил двух сторон в ходе Пражских событий весны 1945 года были начаты в конце 80-х – начале 90-х годов XX века (!), и главным образом на основе сохранившихся немецких записей.

Нижеприведенный список воинских частей в Праге, согласно исходной немецкой документации из немецкого архива, является действительным по состоянию на 10 апреля 1945 года. По вполне понятным причинам точных данных на май 1945 года найти уже практически невозможно. Тем не менее исходя из того факта, что подавляющее большинство перечисленных частей германского пражского гарнизона являлись тыловыми с постоянной дислокацией, можно предположить достаточную актуальность этого списка и в отношении времени начала восстания примерно через месяц, то есть к 5 мая 1945 года.



*Схема – разделение Праги на «крепостные секторы» обороны в соответствии с немецким планом.*

В соответствии с немецкими данными чешская столица для принципиально возможной обороны была разделена на три военных сектора (см. схему ниже), каждый из которых имел собственное командование и воинские части в подчинении. Так как все крупные населенные пункты, по личному приказанию фюрера Адольфа Гитлера и Генерального штаба сухопутных войск Германии, должны были в это время быть превращены в так называемые «крепости» (нем. *Festung*), все три обозначенные части Праги получили названия «крепостных секторов» со своими «крепостными» штабами. Хотя в действительности, конкретно в случае Праги, дальше этих громких названий дело с оборонительной точки зрения никак и никуда не продвинулось. Как уже было сказано ранее, местные власти и даже местное командование германских вооруженных сил скорее склонялись к решению объявить столицу Протектората Богемия и Моравия то ли «открытым», то ли «лазаретным»<sup>55</sup> городом и по возможности избежать таким образом боевых действий внутри самой Праги, а главное, в ее историческом центре<sup>56</sup>.

<sup>55</sup> В отличие от международно принятого понятия «открытого города», каковыми ради их спасения были объявлены, например, Париж и Рим, как такового термина «лазаретного города» в практике не существовало, Карл-Герман Франк и остальные скорее пытались таким образом не навлекать на себя гнев вышестоящего руководства рейха и особенно самого Гитлера, который непреклонно настаивал на обороне каждого города до последней капли крови.

<sup>56</sup> Во времена «развитого социализма» да и после него нередко публиковалась информация о том, что немцы при отступлении якобы Прагу собирались уничтожить – взорвать весь центр города или что-то типа того, но, кроме постоянно цитируемых в данном случае последних болезненных речей самого фюрера и горстки его приближенных в Берлине, никаких более материальных доказательств данного факта нет, и никаких хотя бы отдаленно напоминающих исполнение этого плана под-

## Список частей Пражского гарнизона германских вооруженных сил на 10 апреля 1945 года:

### Крепостной сектор А

- 1) Крепостной оборонный штаб № 8 (Fest.Abschn.Stab 8)
- 2) Штаб 46-го резервного гренадерского<sup>57</sup> полка (Stab/Gren.Ers.Rgt. 46)
- 3) 260-й резервный гренадерский батальон (Gren.Ers.Btl. 260)
- 4) Резервный полк полевой жандармерии (Feld-Gend.Ers.Rgt.)
- 5) Резервный отдел полевой жандармерии (Feld-Gend.Ers.Abt.)
- 6) Линейный охранный отдел Вермахта (Wehrm. – Streifen-Abt.)
- 7) Батальон службы безопасности «Прага-2» (Sich.Btl. Prag 2)
- 8) 2-й резервно-тренировочный батальон мотопехоты СС (panzergrenadiere) (SS-Pz.Gren.A.u.E.Btl. 2)
- 9) 20-й полицейский полк СС (не в полном составе) (SS-Pol.Rgt. 20)
- 10) Резервно-тренировочный артиллерийский полк СС (SS-Art.A.u.E.Rgt.)
- 11) Аэродромное командование аэропорта «Рузине» А-17 со всеми относящимися вспомогательными частями и службами в рамках Люфтваффе<sup>58</sup> (Fl.H.Kdtr.A 17/XVII)
- 12) Аэродромная команда (Flugplatzkommando) дислоцирована в нас. пункте Клецаны
- 13) 15-я рота полевой жандармерии (Feld-Gend.Kp. 15) дислоцирована в нас. пункте Верхние Хабры
- 14) Специальная рота Люфтваффе-ПВО 5/VII (LS-Kp.z.b.V. 5/VIII) (дислоцирована в нас. пункте Либезнице<sup>59</sup>)
- 15) 8-й отдел связи Люфтваффе (Lg.Nachr.Abt. 8)
- 16) Технический склад танковых войск № 870 с охраной (Pz.Armeegeratpark 670)

### Крепостной сектор В

Крепостной полковой штаб № 50 (Fest.Rgts-Stab 50)

- 1) Отдел железнодорожной охраны и станционного обеспечения (Bhf.Wach-u.Betr.Abt.)
- 2) 5-й полк СА Фельдхернхалле<sup>60</sup> (V./SA-Standarte „Feldhernhalle“)

---

готовительных работ в Праге никогда не производилось. Возможно, единственным исключением являлся план возможной инициации взрывателей для подрыва пражских мостов, при боях в городе, с помощью телефонных линий. Определенная техническая подготовка таковых линий даже была сделана, хотя ни взрыватели, ни взрывчатка, ни сами провода к данным линиям установлены так и не были. Все осталось только на бумаге. Весь в действительности нанесенный городу в годы Второй мировой войны ущерб получился вследствие нескольких авианалетов западных союзников на пражские предприятия и спонтанно начавшегося чешского восстания.

<sup>57</sup> В данном случае по немецкой аббревиатуре того времени гордому названию *гренадерских* (нем. – *grenadiere*) воинских частей более всего в русском языке отвечает современное понятие *мотострелковые*, то есть это были в большинстве своем обычные пехотные части. Действительно моторизованными и более сильно вооруженными являлись части *panzergrenadiere* — то есть в прямом переводе с немецкого «мотопехота на броню», именно они чаще всего и входили в состав элитных дивизий Ваффен-СС и регулярных германских вооруженных сил – Вермахта.

<sup>58</sup> Немецкие ВВС.

<sup>59</sup> Все данные небольшие населенные пункты хоть и официально не являлись частью города Прага, но находились непосредственно у границ города и являлись частью так называемой «Большой Праги».

<sup>60</sup> SA Standarte Feldhernhalle – данная часть изначально являлась одним из партийных охранных отрядов СА-Штурм-бтайлунг, потом имя было присвоено пехотной, а после и танковой дивизии в составе Вермахта, среди личного состава находилось много добровольцев из числа членов СА. В апреле 1945 года в Праге мог находиться стрелковый полк дивизии Фельдхернхалле. Хотя в СА «штандарт» с личным составом около 500 человек соответствует по численности скорее армейскому батальону. Судя по описаниям очевидцев-чехов в различных источниках, подавляющую часть личного состава этой части в Праге составляли очень молодые люди – «нацистские фанатики», но одеты были не в классическую коричневую форму СА, а в камуфляж, из чего можно сделать вывод, что часть, возможно, находясь в Праге, выполняла функцию

- 3) 273-й резервный батальон артиллерии ПВО Вермахта (H. Flak-Ers.Btl. 273)
- 4) Аэродромное командование аэропорта «Кбели» А-16 со всеми относящимися вспомогательными частями и службами в рамках ВВС (Fl.H.Kdtr.A 16/XVI)
- 5) 11-я рота резервно-тренировочного артиллерийского полка СС (11-/SS-Art.u.E.Rgt.)
- 6) 3-я рота механизированного транспортного отдела Вермахта № 790 (3./Kr.Trsp.Abt. (mot.) 790)
- 7) Авторемонтные мастерские Вермахта № Н-II (Zgkw.Inst.Dienst H Werk II) в Праре-Высочанах
- 8) 7-я рота линейного полка безопасности Люфтваффе «Рейх» (7./Ln.Flugsich.Rgt. Reich) дислоцирована в нас. пункте Дольни Почернице

### **Крепостной сектор С**

- 1) Крепостной полковой штаб № 51 (Fest.Rgts-Stab 51)
- 2) 403-й охранный батальон (Lds.Schtz.Btl. 403)
- 3) Учебно-тренировочная рота военных переводчиков (Dolm.Lehr.u.Ausb.Kp.)
- 4) Транспортный охранный отдел сопровождения (Trsp.Begleitkommando)
- 5) Рота обслуживания военных складов Прага (Heim.Verw.Kp./EVM Prag)
- 6) Рота оружейного отдела Прага (Heim.Fz.Kp./H.Za. Prag)
- 7) 2-й охранный батальон Ваффен-СС (SS-Wach.Btl. 2)
- 8) 3-й батальон 20-го полицейского полка СС (III./SS-Pol.Rgt. 20)
- 9) 46-я резервная рота связи Вермахта (Inf.Nachr.Ers.Kp. 46)
- 10) Части 8-го отдела связи Люфтваффе (Lg.nachr.Abt. 8)
- 11) Службное отделение полевой почты № 504 (F. P. Leitstelle 504)
- 12) 3-й Инженерно-строительный резервно-тренировочный батальон (Bau-Pi.Ers.u.Ausb.Btl 3)
- 13) 44-й отдел снабжения твердым топливом (Tankholzkommando 44)
- 14) 746-я транспортная колонна (Fuhrkolonne 746)
- 15) 576-й командный пункт частей тылового обеспечения Вермахта (Kdr.d.A.Nachsch.Tr. 576)
- 16) 626-я моторизованная рота тылового обеспечения (Nachsch.Kp. (mot.) 626)
- 17) 576-й авторемонтный взвод (Kw.Werkst.Zg. 576)
- 18) 5-й и 6-й взводы 989-го автотранспортного отдела Вермахта (5.-6./Kw.Trsp.Abt. 989)
- 19) 422-й авторемонтный взвод (Kfz.Inst.Zg. 422)

### **Резерв командования оборонного округа Прага**

- 1) офицерская школа Ваффен-СС (SS-Junkerschule)
- 2) 28-й годовой выпуск „В“ военно-медицинской академии (28.Jhrg.B der Milit.Arztlichen Akademie)
- 3) Офицерский санитарный отдел (San.Offz.Erg.Abt.)
- 4) Военно-медицинская академия Люфтваффе (Arztl. Akademie der Lw.)
- 5) 25-я офицерская санитарная учебная рота (Kr.San.Offz.Nachw.Kp. 25)
- 6) Отдел 5/381 трудовой службы (RAD Abt.5/381)<sup>61</sup>

---

учебно-тренировочной и резервной для пополнения полевых соединений.

<sup>61</sup> RAD (Reichsarbeitsdienst) – полувоенные организации «Трудового фронта», в которых немецкая молодежь обычно проходила обязательную службу перед призывом в вооруженные силы. В описываемое время большинство частей РАД уже было вооружено и экипировано на стандартном уровне пехоты второй линии и обычно использовалось для охранной службы; достаточно часто, вследствие сложившейся на фронтах ситуации, подобные соединения оказывались и на передовой среди сражающихся войск или вступали в бои с различными партизанами или заброшенными в тыл немецких войск

- 7) 1357-й крепостной артиллерийский отдел (Fest.Art.Abt. 1357)
- 8) 1358-я крепостная артиллерийская батарея (Fest.Art.Battr. 1358)
- 9) 70-я крепостная инженерная рота (Fest.Pi.Kp. 70)
- 10) 22-й крепостной штаб связи (Fest.Nachr.Stab 22)
- 11) 1./22-й крепостной телеграфный взвод (Fest.Kabelzug 1/22)
- 12) 816-я крепостная рота связи (Fest.Nachr.Kp. 816)
- 13) Все находящиеся в городе части артиллерии ПВО
- 14) Спецгруппа организации Тодт «Брюгманн» (OT Einsatzgruppe „Brugmann“)<sup>62</sup>
- 15) Фольксштурм (Volksturm)<sup>63</sup>

Данный список еще не включает в себя непосредственно сами боевые авиационные части германских ВВС, расположенные на аэродромах Рузине и Кбели (то есть самолеты Люфтваффе, их экипажи и постоянно приписанных к конкретным «летающим» частям членов вспомогательного и технического персонала). Хотя также надо заметить, что многие части аэродромно-вспомогательного персонала, чаще всего связи, уже состояли в то время главным образом из женщин, а батареи ПВО часто обслуживали иностранцы, конкретно в случае Праги среди них было, например, много венгров, на лояльность германскому режиму в случае беспорядков далеко не всегда можно было бы стопроцентно рассчитывать. Тем не менее о случаях массового или хотя бы группового перехода этих людей на сторону восстания автору ничего не известно, и ни в каких документах подобная информация не встречается.

В своей книге под названием «Прага в мае 1945» чешский автор Станислав Кокоска оперирует со следующими данными о численности немецкого гарнизона в Праге к моменту начала восстания: регулярные германские сухопутные войска – Вермахт – около 8000 военнослужащих, Ваффен-СС – около 4000 солдат и офицеров, около 3000 человек из состава немецких ВВС – Люфтваффе, а также батальон Фольксштурма, батальон СА и части Организации Тодт и Р.А.Д. Никакой точной информации о происхождении данных цифр в книге нет, но при сопоставлении с вышерасположенным списком германских воинских частей в столице Протектората Богемия и Моравия в апреле 1945 года они выглядят достаточно адекватными, при условии если считать именно части, находившиеся в самом городе и только действительно строевые и охранные (то есть без отдельных штабов, лазаретов, складов, школ, мастерских и т. д.), в случае Люфтваффе скорее всего здесь в расчет был взят главным образом персонал батарей противовоздушной обороны на территории Праги.

Кроме вышеперечисленных воинских частей, расположенных прямо в самом городе, в качестве стратегического резерва пражского командования можно также рассматривать силы, постоянно находившиеся на военных полигонах и в постоянных тренировочных лагерях недалеко от Праги. К востоку от чешской столицы, в Миловицах<sup>64</sup>, располагался учебно-тренировочный центр регулярной армии Германии – Вермахта, к югу – полигон Ваффен-СС

---

группами противника.

<sup>62</sup> Organisation TODT – также части трудовой службы Германии для строительства в основном военных объектов и фортификационных сооружений; часто состояли из иностранцев; имели собственные вооруженные стрелковым оружием (часто трофейным или устаревших образцов) охранные отделы для предотвращения нападения партизан, диверсантов и т. п., в завершающей фазе боевых действий в Европе также иногда оказывались и на передовой.

<sup>63</sup> Народное ополчение (Фольксштурм) в Праге хоть и было создано из числа местных немцев под эгидой НСДАП, как и в других городах Третьего рейха, но, насколько мне известно, в какой-либо организованной форме в боях в городе никак не участвовало. Скорее всего в основной массе было еще до начала восстания размещено на линии фронта где-то на подступах к городу.

<sup>64</sup> Военный полигон Миловице (по-немецки Milowitz), существовавший еще во времена Австро-Венгерской монархии, использовался для тренировок Вермахта и СС, заграничных добровольческих частей, впоследствии также до конца 80-х годов XX века использовался в качестве основной базы советских войск в Чехословакии.

Бенешов-Невеклов (*SS-Truppenübungsplatz Böhmen*). На каждом из полигонов практически постоянно находились в стадии тренировок или формирования вооруженные группировки, по совокупной силе сравнимые не менее чем с одной армейской механизированной дивизией, плюс к тому опять же различные охранные, полицейские, связные, ремонтные и другие достаточно многочисленные тыловые части обеспечения, которые при необходимости тоже можно было поставить «под ружье»<sup>65</sup>.

На всякий случай еще подчеркну, что все вышеуказанные части, включая тыловые и вспомогательные, естественно, были полностью экипированы, хорошо организованы и вооружены, их личный состав прошел всю необходимую воинскую подготовку, а в описываемое время находился на активной военной службе.

А также, при хотя бы мало-мальски разумном подходе к организации восстания в чешской столице, будущим лидерам повстанцев надо бы было, видимо, считаться и с фактором сильного «прагоцентризма» на территории Протектората Богемия и Моравия – это не только политический, но и главным образом транспортный недуг, которым даже современная Чешская Республика тяжело страдает по сей день, хоть и пытаюсь постепенно избавляться от него строительством новых авто- и железнодорожных магистралей. Дело в том, что проехать из восточной части страны в западную по более или менее приличным автодорогам или железной дороге можно лишь через столицу – Прагу. Сегодня это означает абсолютную перегруженность пражского транспортного узла, особенно автодорог города. А в мае 1945 года это значило еще и то, что из почти девятисоттысячной еще активно сражающейся Группы армий «Центр» фельдмаршала Фердинанда Шернера около половины всех войск, желающих отступить на запад, к американским линиям, должны были при этом пройти именно через Прагу. Не очень трудно себе представить, что бы происходило, если бы вся эта масса полностью экипированных боевых фронтовых частей в таком количестве со всей возможной тяжелой техникой и вооружением, изо всех сил пытающаяся избежать попадания в советский плен, попыталась бы пробить себе силой дорогу через заблокированный восстанием город...

---

<sup>65</sup> При дальнейшем развитии событий именно эти силы и были первыми, посланными на помощь пражскому гарнизону.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.